

МИХАИЛ ФИНКЕЛЬ

ШОЛОМ ШВАРЦБУРД

МСТИТЕЛЬ

Михаил Финкель

Мститель

«Книжный мир»

2021

УДК 323.14
ББК 63.3.(2)612

Финкель М.

Мститель / М. Финкель — «Книжный мир», 2021

ISBN 978-5-6045315-9-4

Автор книги, раввин Михаил Финкель посвятил ее памяти одного из своих знаменитых предков, Шолому Шварцбурду, расстрелявшему на парижской улице антисемита и бандита Симона Петлюру. Эта книга – художественное произведение, основанное на исторических фактах, кровавая, печальная и героическая история одной еврейской семьи из Балты, попавшей в жернова гражданской войны и прошедшей через нее, чтобы еще раз понять, что в мире нет большей ценности, чем твой народ и твоя вера.

УДК 323.14
ББК 63.3.(2)612

ISBN 978-5-6045315-9-4

© Финкель М., 2021
© Книжный мир, 2021

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	6
Вступительная статья автора	8
Сцена 1	10
Сцена 2	15
Сцена 3	19
Сцена 4	23
Интермедия. Детство	24
Интермедия. Отрочество и юность	32
Интермедия. Погром	37
Сцена 5	49
Сцена 6	53
Сцена 7	59
Сцена 8	61
Сцена 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Михаил Финкель

Мститель

Об авторе

Михаил Финкель (род. 1978) – израильской русскоязычный ортодоксальный раввин, юрист, специалист по международному праву и международной политике. Комментатор по политическим и религиозным вопросам для ряда крупных израильских («9 канал», «Голос Израиля», Итон-ТВ), российских («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», Первый канал, «Завтра») и других русскоязычных СМИ (ИА Тренд, «Азербайджанский Взгляд» (Азербайджан), SBS (Австралия).

Михаил Финкель родился в 1978 году в Москве. В 1994–1997 года проходил обучение в раввинистических семинариях США, где в 2001 году был рукоположен в сан раввина в Центральной Любавической иешиве в Нью-Йорке. Получил высшее образование в области политологии и философии в Университете Рочестера, США в 2000 году. Степень доктора юриспруденции Михаил Финкель получил в Юридической школе Питтсбургского университета в 2003 году (специализировался в области международного права).

Постоянный комментатор информационно-аналитической программы «День» на 9 канале (Израиль), программы «Черным по белому» на телеканале Итон-ТВ (Израиль), а также активно сотрудничает с различными русскоязычными СМИ СНГ. Религиозная публицистика Михаила Финкеля посвящена не только различным вопросам иудаизма, но межконфессиональному иудео-исламскому и иудео-христианскому диалогу.

Автор пяти книг.

© Михаил Финкель, 2021

© Книжный мир, 2021

© ИП Лобанова О.В., 2021

Предисловие

Гасконский дворянин Д'Артаньян – реально существовавший человек. Но почти все мы лучше знаем вымышленные приключения героя Александра Дюма, нежели биографию его прототипа. И о знаменитых кардиналах Ришелье и Мазарини большинство людей по всему миру тоже судят по романам Дюма, а не по документальным историческим хроникам.

О русской революции 1917 года написано не меньше, если не больше книг, чем о событиях XVII года во Франции, но можем ли мы сказать, что в массовом сознании есть какой-то единый образ? К сожалению, нет, не можем. Несмотря на то, что Гражданская война закончилась почти 100 лет назад, страна остаётся расколотой. Кто-то до сих пор, как учили в советской школе, считает, что Октябрьская революция величайшее прогрессивное событие мировой истории. Кто-то полагает, что это была национальная катастрофа без малейших позитивных последствий.

Автор этой книги не претендует на всеохватность. Революция, Гражданская война и последующие события показаны в романе с точки зрения главных героев – выходцев из еврейских местечек Российской империи.

Один из них – иудей, сумевший сделать военную карьеру в Российской империи Виктор Слуцкий. Сразу отметим, что однозначных прототипов у него нет. В реальной российской истории число офицеров-иудеев можно пересчитать по пальцам, а до капитана (и, конечно, не гвардии) дослужился лишь один человек – Герцель Цам. При этом т. н. выкресты, принявшие православие евреи, разумеется, достигали куда более заметных высот, среди них были и генералы, и адмиралы.

При этом другой персонаж, Шолом Шварцбурд (он же Самуил Шварцборд, он же Шулэм Шварцбард) – это реально существовавший исторический деятель. Автор подходит к деталям его биографии с большим вниманием и пиететом, чем Александр Дюма – к жизни исторического Д'Артаньяна, хоть тоже не без реконструкции деталей, пробелов в историографии. Для тех, кто пока не знает или забыл, благодаря чему прославился Шварцбурд, мы не будем забежать вперёд. Просто знайте, что сюжетная линия этого героя практически соответствует исторической правде. Почти, но не совсем. В 60-х гг. XX века могила Шварцбурда была перенесена из Южной Африки в пригород израильской Нетании, а сам он посмертно признан героем Израиля. Его имя носят улицы, больницы и школы в еврейском государстве.

Евреи на протяжении столетий жили в Российской империи бок о бок с великороссами, поляками и малороссами, представить себе нашу историю без «иудейского компонента» невозможно. По последней переписи населения в Российской империи (1897 г.) проживало более 5 млн. евреев, добрая половина всех евреев мира. Россия на много столетий стала для евреев родиной.

В послевоенном СССР из-за сложных отношений с государством Израиль (созданного, напомним, во многом по настоянию Советского Союза), а также официального государственного интернационализма, этот компонент не отрицали, но и не педалировали.

В свое время работа Александра Исаевича Солженицына «200 лет вместе» вызвала противоречивую реакцию и в России, и в Израиле. Его обвиняли и в антисемитизме, и, наоборот, в умалении роли русских. Но главная претензия к книге заключалась в однобокости – встать на место евреев Солженицын не захотел, да и вряд ли смог бы.

Роман «Мститель» написан патриотом, раввином, юристом и политологом Михаилом Финкелем. Обвинить его в антисемитизме точно ни у кого не получится. В русофобии – тоже, процитирую отрывок из книги:

«Надо быть законопослушными подданными и отдавать свой долг стране, в которой мы живём и которая стала для нас прибежищем...»

Этой полученной от деда заповедью главный герой руководствовался на протяжении всей своей жизни. И пусть некоторые пассажи со стороны революционеров в адрес российских властей и императора Николая II могут показаться кому-то оскорбительными, нужно понимать, что революционеры тех лет, независимо от их национальности и вероисповедания (чаще всего атеистического), действительно так думали и так говорили.

Герои книги часто вспоминают Бога, напомним, что в иудаизме не приветствуется полностью писать имя Божье, в том числе – на иностранных языках. Поэтому, когда о Боге говорят иудеи, мы пишем это так, как написал бы иудей – Б-г, Г-дь, Все-шний. Если православные или атеисты – так, как это положено в русском языке – Бог, Господь, Всевышний.

Автор проделал большую работу, чтобы погрузить нас в атмосферу еврейских местечек начала XX века, собрал большой исторический материал. Но ещё раз напоминаем, что это художественное произведение, а не хроника. Не все события происходили, но все они *могли* произойти. В путь, читатель, по следам жизни легендарного Самуила Шварцбарда, казненного в Париже людоеда Симона Петлюру!

Вступительная статья автора

«Память о Петлюре да сгинет!»

Михаил Афанасьевич Булгаков, рассказ «Киев-город».

Шло лето 2010 года. Я проводил свой отпуск на подмосковной даче родителей, где жил мой дед, отец моего папы. Я был очень близок с ним. Деда звали Виктор Петрович Финкель. Он прошел тяжелейшие битвы Второй мировой войны, сталинский лагерь, но выжил и не сломался. Всю жизнь работал санитарным врачом, а затем провизором. Он всегда был балагуром и шутником, несмотря на потерянную в битве за Харьков правую ногу, и другие ранения.

Солнце садилось. Мы сидели за столом на открытой веранде, отложив шахматы, и пили чай.

– А ты знаешь, что наш родственник застрелил Петлюру? – спросил меня дед, и посмотрел на меня сквозь очки.

О Петлюре и его преступлениях я тогда знал совсем немного, преимущественно из рассказов М.А. Булгакова «Я убил» и «Киев-город».

– Нашего родственника звали Шолом Шварцбурд. Он был троюродным братом моей мамы, Сары. А мамин папа, мой дедушка, Цви Гирш Модык, был двоюродным братом мамы Шолома, Хай Вайсбергер. Родился он в Балте, был часовщиком и поэтом. И он застрелил Петлюру в Париже, за кровавые еврейские погромы на Украине, и за убийство 15 человек в нашей семье во время проскуровского погрома 1919 года... – произнес дед.

Меня поразили его слова. Я этого не знал.

– Найди информацию о Шоломе и напиши о нём книгу – попросил меня он.

Я пообещал ему это сделать, и тем же летом начал собирать необходимые факты. Мне пришлось собрать колоссальное количество данных. Статьи, воспоминания, мемуары, стенограммы суда...

Мой дед покинул нас в мае 2012 года, не увидев выхода этой книги, но я верю, что он уже прочел ее в высшем мире.

Эта книга – художественное произведение, основанное на исторических фактах.

Вторым героем книги стал белогвардейский офицер Виктор Слуцкий, ставший впоследствии помощником атамана Семёнова. Он тоже мстит кровавому убийце и погромщику, барону Унгерну...

Зло никогда не останется безнаказанным... Об этом написал более трех тысяч лет назад царь Давид: «ибо делающие зло истребятся», Книга Псалмов 36:9, Теилим 37:9.

Я хочу поблагодарить Создателя за то, что Он помог мне написать эту книгу. Все эти годы я чувствовал, что мне помогает писать душа Шолома Шварцбурда, нашего праведного мстителя...

Многие мои родственники с нетерпением ждали появления этой книги, и среди них, безвременно покинувший нас недавно, мой дорогой дядя Гриша, Григорий Викторович Финкель, старший брат моего отца, который тоже был человеком сильным, прошедшим в жизни много испытаний, и обладавшим духом героизма, как Шолом Шварцбурд...

Добро пожаловать за мной, дорогой читатель... Кто-то из классиков сказал, что писатели обычно пишут свои книги либо о тех героях, которых они горячо любят, либо о тех, кого они безмерно ненавидят. Я очень люблю моего героя и горжусь им.

Эта книга о Холокосте до Холокоста. О забытом Холокосте, произошедшем на осколках Российской империи сто лет назад... Об этих страшных бедах мы забыли, потому, что на смену им пришли беды куда более масштабные и жуткие, но наш долг помнить обо всем, и ничего не забывать...

Михаил Финкель.

Сцена 1

Капитан лейб-гвардии Семёновского полка Виктор Семенович Слуцкий сидел напротив распахнутого настежь окна. Свежий осенний ветер врвался в дом. На улице стало темно от приближающейся грозы, крайне редкой для этого времени года. Темные грозовые тучи заволокли небо, и, наконец, пространство прорезала светло-голубая молния, после которой округу потряс страшный раскатистый удар грома.

Тридцатипятилетний капитан был хорош собой, с благородными черными усами, чуть закрученными кверху на концах, с черной, жесткой шевелюрой и зелеными, глубокими глазами, сразившими наповал не одну красавицу. Он был высок и статен. Лишь над его правой бровью виднелся маленький глубокий шрам – трофей с германского фронта. Слуцкому очень шла офицерская форма. А когда он надевал свой парадный китель, с золотыми погонями и аксельбантом, орденами и георгиевской медалью «За храбрость» третьей степени, то дамы просто не могли от него оторвать глаз. Начитанный и умный собеседник, с печальными шутками, он сразу обращал на себя внимание... Те же из красавиц, кто хоть раз видел Слуцкого на его черном коне, уверенно скакавшего, устремив свой взор в никому неизвестные дали, думали, что это не пехотный капитан, а какой-то волшебный рыцарь, сошедший со страниц средневековой баллады.

Никто и не догадывался, что герой Японской и Германской войн на самом деле никакой не аристократ и не дворянин, а простой еврей, к тому же внук раввина. Виктор, а точнее – Авигдор, родился в уездном городе Измаиле Одесской области в 1882 году. А после указа 1888 года о выселении евреев из приграничной зоны его семья переехала в Белоруссию, где его папа сменил еврейскую фамилию Шварцбург на более благозвучную для русского уха. Долго отец не думал, и взял фамилию в честь города, куда переехала семья. И все было бы у Слуцкого намного легче в жизни, если бы он последовал примеру многих других евреев, принявших православие и добившихся серьезных карьерных высот в русской армии. Но Слуцкий, верно служа России уже много лет и воюя за неё, так и остался иудеем, испытывая из-за этого немалые сложности.

Виктор сидел перед окном и смотрел на то, как ливень бьет по облупившейся местами белой краске деревянного подоконника. В близстоящей церкви шла служба, на которой присутствовали все православные офицеры. А он, как обычно, ждал её окончания...

Дождь лил и лил. Свежий, влажный воздух врвался в комнату, а ветер то и дело поднимал желтые в цветочек занавески. Монотонный звук падающих капель успокаивал офицера. Он закрыл глаза и впал в забытие.

В сладкой дремоте он увидел себя двенадцатилетним пареньком, сидевшим рядом со своим дедом. Дед, как это часто бывало, сидел за столом на крыльце в большой, во всю голову черной бархатной ермолке и читал старую потрепанную Тору. Затем он прервался и сказал внуку:

– А знаешь, есть такой закон у нас, и звучит он так: «*Дина ди малхуса – дина*»¹. Закон страны, в которой ты живешь, – это закон, который надо исполнять.

Внук подошел поближе и заглянул в голубые глаза деда.

– Неужели все законы, какими бы жестокими они ни были, деда?

Дед рассмеялся и ответил:

– Нет, конечно, не все. А только те, которые не противоречат закону Моисея... Надо налоги платить, надо вежливым и порядочным быть, надо свой долг исполнять, потому как,

¹ Вавилонский Талмуд, трактат Бава Кама 113а.

пока Б-г не вернул нас на нашу землю, мы рассеяны по чужим землям и должны быть верно-подданными...

– Русского царя, дедушка?

– Да, раз мы тут живем, значит, русского царя...

– А я слышал, что царь большой враг евреев и делает нам много бед, и что все цари были нашими врагами!

Дед усмехнулся, обнажив из-под седых усов крепкие, несмотря на возраст, зубы.

– Ну, скажешь тоже... Не все цари одинаковые. Были разные цари... Но, конечно, многие очень не любили нас... Но мы все равно должны делать, что от нас зависит, и то, к чему призывают нас наши учителя... Надо быть законопослушными подданными и отдавать свой долг стране, в которой мы живём и которая стала для нас прибежищем...

Лицо деда было очень добрым. Он улыбался.

– А если мы этого не будем делать, то может так случиться, что наше положение станет ещё хуже, чем оно есть. И начнут нас обвинять во всех грехах, и получится, что мы сами навлечём на себя многие беды. Ну, а то, что, якобы, нас не любят, что бы мы не делали, так это тоже не всегда так... Вот мой отец воевал в русской армии в Отечественную войну с Наполеоном. Был ранен. Был награжден. И отношение к нему было намного лучше, чем к тем, кто отсиживался дома. Я ж тебе добра хочу... Если ты будешь вести себя в соответствии с заветами наших мудрецов, и будешь приветливым, честным, и преданным стране, то к тебе, как ни крути, будут лучше относиться, чем к тем, кто еле скрывает ненависть к окружающим. Обид много, конечно... Много было слез. Много боли и крови много. Но чему учит наша Тора, Ави-гдор?

– Подойди сюда... Вот, читай... «Взглянул Иаков и увидел, и вот идет Исава, и с ним четыреста человек... А сам пошел пред ними и поклонился до земли семь раз, подходя к брату своему²». Видишь, как поступил праотец наш? Он поступил мудро. Он не дал своей гордости затмить ему разум. Он дал подарки большие брату своему и поклонился ему семь раз. А далее Иаков назвал Исава словами «господин мой³». И это вечный урок всем нам, евреям, потомкам Иакова. Мы должны быть гибче и умнее. Мы должны принимать власть нашего брата Исава и поклониться ему семь раз, и признать его господином над нами.

Внук внимательно посмотрел на деда и спросил:

– Навсегда, деда, его надо признать господином?

Дед тяжело вздохнул, погладил свою большую седую бороду и сказал:

– Нет, внук мой. Нет! Слава Б-гу, что не навсегда... Лишь до тех пор, пока не вспомнит о нас Г-дь Б-г Израилев, и не освободит нас из этого изгнания. Тогда не будет над нами царей из других народов, а лишь Г-дь будет царем нашим... А пока мы должны следовать тому, что написано...

Вдруг резкий удар грома разбудил Виктора. Он вздрогнул, открыл глаза, встал, потянулся и посмотрел на зеленую мокрую траву.

– Да, это точно, дедушка, ты прав, я всегда так и жил, чтобы тебе не было за меня стыдно. Всегда был законопослушным и отдавал свой долг стране, в которой живу... России...

Он медленно подошел к стоявшей у кровати тумбочки, выдвинул ящик и достал полученное утром письмо. Виктор еще не успел его прочесть, так как ждал спокойного момента, когда ничто не будет отвлекать от чтения. Большой конверт из дорогой бумаги пришел из далекого Парижа. Красивая заграничная марка и почтовые штемпели Франции и России. Письмо это было от двоюродного брата Виктора, Шолома. Неевреи же называли его Самуилом.

² Библия, Бытие 33:1.

³ Библия, Бытие 33:8.

На конверте так и было написано: от Самуила Шварц-бурда⁴. Виктор достал нож, аккуратно вскрыл конверт и, сев у окна, принялся читать:

«Здравствуй, дорогой мой Авидор!

Надеюсь, что мое письмо застанет тебя живым и здоровым, бодрым и оптимистичным, несмотря на все ужасы этой проклятой войны, которой пока что еще нет ни конца, ни края... Как ты там? Тысячу лет от тебя ничего не слышал, а твое последнее письмо пришло лишь в марте, хотя ты всегда писал мне исправно. Проклятые времена! Даже почта работает кое-как!

Мы с тобой, как никто другой, знаем, что это такое, и хлебнули этой войны с лихвой... Как ты помнишь, я, как и ты, с самого начала воевал на этой войне. Несмотря на то, что тебя война застала в России, а меня во Франции, куда я переехал жить, мечтая лишь о том, чтобы подальше убежать от столь ненавистного мне царского режима. Я оказался в Париже, и думал, что здесь я обрету покой. Так и было вначале. Париж! Я всегда мечтал об этом великом и свободном городе романтиков! Город Дюма, Золя, Мопассана, импрессионистов!

И тут, как гром среди ясного неба, началась эта война! И я не мог больше работать часовщиком, и пошел добровольцем во французскую армию, как ты знаешь, для борьбы с германским империализмом. Как только война началась, в 1914 году я вместе с братом вступил во Французский Иностраный Легион (Légion étrangère), где и воевал в составе 363-го пехотного полка (363e régiment d'infanterie), о чем ты прекрасно знаешь. Участвовал со своим полком во всех боевых действиях на протяжении долгих трёх лет. Я многократно писал тебе об этом, но что-то вновь нахлынули воспоминания... Я не прятался и не хитрил.

Кстати, похвастанюсь! Ты еще этого не знаешь! Я стал кавалером ордена Боевого креста (Croix de guerre), а это высшая награда легиона! Поэтому с тебя поздравление! После тяжёлого ранения в ходе битвы на Сомме и лечения – я был демобилизован и вернулся в Париж, к жене.

Сейчас я думаю о возвращении на Родину, в новую, революционную Россию! Как давно я уже не был дома, в Малороссии... Сколько лет не видел отца и мамы, сестер и братьев! Все-таки Франция – это не моя земля, не мое место... А сейчас смотри, какие великие события потрясли Российскую империю! Февральская революция! Свободы! Какие великие перспективы открываются для всех людей, и в особенности для нас, евреев! Мы наконец-то можем вырваться из клетки притеснений, пересечь черту оседлости, дискриминации и погромов!

Ярмо царизма сброшено навсегда, и я чувствую, что возврата назад уже не будет никогда! Народ, вкусивший свободу, никогда не вернется добровольно в клетку! Надеюсь и хочу верить, что ты тоже изменил свои устаревшие взгляды и осознал, что стране нужен другой вектор развития!

И хотя у нас с тобой всегда были разные, а зачастую и противоположные взгляды на политику, я думаю, ты не сможешь не признать всех плюсов, которые с собой принесла революция!

⁴ Шварцбурд – идишское произношение оригинальной немецкой фамилии Шварцбард. В переводе – «черная борода». Многие европейские евреи раньше жили в Германии, где и получили свои фамилии.

Я планирую ехать к отцу, в Балту. Думаю, что я приеду туда не раньше конца осени. Приезжай и ты туда. Надеюсь, что скоро мы уже увидимся, дорогой мой кузен! Напиши мне, пожалуйста, как тебя найти и куда тебе писать письма. Обнимаю тебя дорогой мой!

Твой брат Шолом».

Виктор сложил письмо и вложил его в конверт. Он печально улыбнулся и сказал:

– Мой дорогой брат, ты так и остался революционным мечтателем, требующим от меня нарушения присяги...

Виктор подошел к тумбочке, открыл ящик и положил письмо назад.

– Кукуешь, Витька? – раздался звонкий голос капитана Блинова.

Виктор поднял глаза и увидел веселое круглое лицо своего друга. Крепкий, коренастый сибиряк вошел в комнату и, сняв фуражку, сел на кровать.

– На улице льет, как из ведра! А ты тут один, скучаешь? Эх, выпить бы! У тебя есть что-нибудь?

– Коньяку хочешь, Паш?

– Спрашиваешь!

И Блинов присвистнул, увидев дорогую бутылку французского коньяка.

– Живут же некоторые! Умеешь жить, Витя! И мадам у тебя что надо, и коньяк всегда водится! Где бокалы?

– Бокалы я принесу, Паша, а вот мадам её всё-таки не надо называть. Я же тебя не раз просил об этом.

– Ладно, ладно! Не буду! Неси уже, романтик! А то муторно на душе как-то... День ото дня ситуация все хуже. Уже тошнит от всего этого бардака! Все хуже и хуже дела наши! Развал на фронте, Витя! Развал в душах! Развал во всем! Что же со страной происходит, что? Все гибнет, Витя! Все! Нужна сильная рука! Не может народ наш без сильного хозяина! Давай, родной, не мешкай! Наливай!

Виктор откупорил бутылку и разлил коньяк по пузатым бокалам.

– Дай тебе Бог, Витя! Да и мне с тобой вместе! Куда катимся, не знаю! Но, чувствую, что ненадолго меня здесь хватит. Не могу я больше терпеть этот революционный бред! Ну, будем здоровы!

Виктор кивнул. Они чокнулись и выпили. Коньяк был выдержанным и показался удивительно вкусным, как отголосок той, довоенной, безмятежной жизни.

– А я ж про закуску и забыл совсем! У меня есть колбаса и свежая булка!

– Неси, неси! Чего ж, зажал-то? Конечно!

Виктор принес тарелки и нарезал колбасы на свежий белый хлеб. А Блинов тем временем снова откупорил бутылку и разлил коньяк по бокалам. Повисла неловкая пауза.

– Что молчишь то? Чего-то ждешь, Витя? – внезапно с горячностью спросил Блинов. – А чего ты ждешь? Скажи мне? Чуда? Его не будет. Бог отвернулся от России и от нас от всех. Моли не моли. Был сейчас в церкви. Стоял. Пытался молиться. Не шло. Больно мне! Зажег свечи... Смотрел на икону Божьей матери, и понимаю, что закрыты небеса... Стучи, не стучи... А, ладно! Менять надо все, Витя! Менять! Это наша Родина, Витя. И не важно, что ты иудей, а я христианин. Другой-то Родины у нас все равно нет! Да и не будет! Париж не для нас. Уж не для меня точно. Будем!

И, высоко запрокинув голову, Павел выпил коньяк до дна.

– А чем тебе не угодил Париж, Паш? Говорят, там красота!

Блинов едко усмехнулся и, проведя пальцами по лицу, сказал:

– Может, и так. Но, язык я знаю плохо. Родом не вышел. Сам знаешь, происхождения я простого, не дворянского. Дома своего у меня в Париже нет, в отличие от многих других. Дела

своего у меня там тоже нет и не будет. Но это все мелочи, Витя. Основное в другом. Здесь моя Родина! А там что? Милость у месье просить? Идти в портье? В извозчики? Увольте!

Он замолк и начал молча жевать бутерброд. А затем выпалил:

– Был патриот России, генерал Корнилов, но провалилось его дело! Я уж думал, что наведет он порядок... Да где там! Все рухнуло, а он теперь с верными генералами в быховской тюрьме...

– В Быхове, который в Могилёвской губернии?

– Он самый! В нём! И не бегут оттуда они пока... Сидят... Чего сидят? Не понимаю... Тошно как, Витя... А, кстати, чуть не забыл. У меня ведь для тебя послание! От неё!

И с этими словами Павел достал из кармана кителя конверт. Виктор нежно взял в руки её письмо. Инстинктивно он поднес его к носу и ощутил еле заметный аромат знакомых духов.

– Паш, а как она выглядела?

– Прекрасно. Как всегда. Впрочем, я не засматриваюсь. Знаю свое место, – усмехнулся Блинов.

Виктор скромно улыбнулся и перевел разговор на другую тему:

– Я во многом согласен с тобой, Паш. Но, с другой стороны, мы же присягу дали Временному правительству! Мы должны стараться исполнять свой долг... Хотя, ты прав, конечно, во многом...

Павел снова налил коньяк себе и Виктору и, откусив бутерброд, промолвил:

– Это была ошибочная присяга. Настоящая лишь одна. Та, что была дана нами Государю Императору.

– И кто же тебе сейчас более всех по душе?

– А ты не догадываешься?

– Я тебя первый спросил.

– Генерал Корнилов. И чувствую, что без военного захвата власти здоровыми силами не обойдется.

– Ты решил уехать из Петрограда?

– Видимо, скоро мне придется это сделать.

Блинов расстегнул верхнюю пуговицу кителя и с большим удовольствием доел еще один бутерброд.

– Ладно, Витя. Пора мне. Вестовой может уходить. Дело я сделал. За хлеб-соль благодарствую. И если вдруг я надумаю покинуть столицу, то и тебе предложу присоединиться ко мне, если захочешь, конечно.

– Спасибо, Паша.

Павел надел фуражку и ушел.

Сцена 2

Вечерело. Виктор посмотрел на часы. Они показывали четверть седьмого. Он надел фуражку, застегнул верхнюю, вечно душившую его пуговицу мундира, и спустился на улицу. У дома его уже ожидал знакомый ямщик Лёшка, бородатый хитрый мужик с серьгой в ухе.

– Вечер добрый, Ваш бродь! – сказал, стягивая шапку, Лёшка и улыбнулся во весь рот, обнажив большие крепкие зубы.

– Здравствуй, Лёша! Как ты?

– Слава те Господи, барин! Наше дело малое. Живем, хлеб жуем! Водочкой в трактире балуемся, утаив от жены! А Вы как, Ваш бродь?

– Все в порядке, Леша. Служим.

Извозчик выплюнул на мостовую шелуху семечек и едко сказал:

– Служить это хорошо, Ваш бродь! Да вот кому только нынче служить-то? Царю уж не служат. А Керенскому служить...

Тут извозчик запнулся. Виктор сел в карету и сказал:

– Ты, Лёш, не очень-то болтай языком. А то время сам знаешь какое. Язык могут и укоротить. Трогай! К Александринскому!

Вскоре Лёша подъехал к театру, недалеко от входа в который столпились многочисленные такси и извозчики. Давали «Грозу» Островского. Разодетые дамы и кавалеры выходили из машин, устремившись к входу. Он прошел в гардероб, сдал фуражку и перчатки, взял бинокль и проследовал в партер. Зал уже был наполовину полным, ну или наполовину пустым – как посмотреть.

Но спектакль и зрители мало интересовали Слуцкого. Он ждал и искал глазами только её. Наконец, он увидел свою даму сердца в шикарном французском платье, с китайским веером в руках, скрытых длинными перчатками цвета беж. Она шла в сопровождении мужа, полковника Михаила Петровича Милентина.

Лысый, с бритым лицом, пятидесятилетний полковник считался в офицерском обществе истеричным и себялюбивым типом, психопатичным тираном и брюзгой.

Его жена была на пятнадцать лет младше мужа. Красивая, моложавая брюнетка, с выразительными голубыми глазами и с шикарными волосами, ниспадающими на спину. Прекрасная фигура, тонкая талия и высокая пышная грудь... Многие мечтали приблизиться к Виктории Александровне Милентиной, но пока что это не удалось сделать никому. Никому, кроме Виктора Слуцкого.

За считанные минуты до начала спектакля Виктор урывал мгновения, чтобы смотреть на неё. Виктория тоже изредка бросала небрежные и быстрые взгляды в сторону Слуцкого. Казалось, время остановилось. Он чувствовал, как учащенно билось сердце и как прилив внутреннего жара обдал лицо. Как назло, рядом сел подвыпивший поручик, который начал приставать с глупыми вопросами. Раздался звонок, свет потух, и начался спектакль.

Сперва Виктор дожидался антракта. Затем заказал себе что-то в буфете, и все искал её взглядом. Их глаза встретились, и в её взгляде он уловил тревогу. Затем он высидивал вторую часть спектакля и вновь, как мальчишка, провожал уходящую с мужем Викторию. До следующей их встречи оставалось пять долгих дней – полковник должен был куда-то уехать по службе на двое суток...

Зрители медленно выходили из театра, оживленно обсуждая игру актеров и постановку спектакля. Один лишь Слуцкий медленно и печально шел вниз, ровным шагом меряя мраморные ступени театра. На улице было уже совсем темно. Свежий ветер дул в лицо капитану, вселяя в него то ли непонятную надежду, то ли сомнение.

– Пять дней... Пять долгих дней до долгожданного мига счастья...

Мимо пробежал мальчишка, торговец газетами. Виктор остановил его, и, купив газету, сел в стоявший рядом новомодный автомобиль такси.

– А покатай-ка меня, дружище, по городу немного. Вид ночных улиц успокаивает...

– Переживать изволите, Ваше благородие?

– Наверное.

– Развезься дело нужное. Прокачу с ветерком! Меня Иваном величают, – представился водитель.

Виктор молча улыбнулся. Хрипловато взвыл мотор, и машина медленно тронулась с места. Автомобиль неспешно ехал по петроградским улицам, и Виктору стало веселее и теплее на душе. Желтый, теплый свет струился из окон домов, где многие люди уже сели пить чай. Подобно маякам, горели уличные фонари.

– Давай-ка проедем по Невскому, Ваня!

– Слушаюсь, Ваше благородие!

И машина свернула на Невский. Мимо поплыли фасады красивых зданий. Когда машина поравнялась с торговым домом Мертенса, душу Виктору согрел уютный звон трамвая, а водитель не удержался и сказал:

– Ишь как живут! Тут все богачи себе меха покупают! Милльончики! Деньжищ-то у них! И присвистнул.

Вдоволь накатавшись, Виктор распорядился отвезти его домой. Когда капитан Слуцкий отпустил водителя и уже было хотел подняться к себе, то заметил, что у подъезда его дожидается его близкий друг, капитан Роман Козьярский.

– Ба! Какие люди! Ромка! Ты ли это?

– Я, дружище! Я!

Роман был великаном, крупного телосложения, статный и здоровый богатырь, которому всегда немного жала форма.

Друзья обнялись.

– Чего тут делаешь? Признавайся? Занять хочешь?

– Нет, дружище! Чувствую, скучаешь ты! И тебя надобно срочно развеселить. Мне тут сорока на хвосте донесла, что твоя краля, увы, занята домашними делами, и добрые люди подослали меня к тебе, дабы, так сказать, развеять твоё лермонтовское черное настроение.

– Развеять? Хорошо бы! А как?

– На то есть тысяча способов!

– Кто же донёс? Дай, угадаю! Блинов! Конечно же! Ах, болтун!

Роман улыбнулся во весь рот и предложил:

– Скажи мне: а как ты смотришь на то, чтобы зайти сейчас к цыганам, а главное – к цыганкам?

От такого неожиданного и интересного предложения у Виктора даже сперло дыхание.

– Ах ты, проказник! А почему бы и нет?! К цыганкам это прекрасно!

– Ну тогда пойдём! Я уже все заказал. Нас ждут, дорогой!

И друзья пошли в расположенный не так далеко ресторан «Тулон» на Итальянской улице, где выступал известный цыганский хор Шишкова.

Не успели они войти в ресторан, как к ним подошли цыгане и начали петь: «К нам приехал наш любимый Виктор Семеныч дорогой!»

Три гитариста в ярких алых рубашках и красавицы цыганки в цветастых платьях виртуозно пели и плясали. Самая молоденькая и самая красивая цыганка улынулась Виктору и подошла вплотную с подносом, на котором стояла рюмка водки.

– Пей до дна! – скомандовали цыгане.

И Виктор охотно подчинился...

– Какой же ты, барин, красивый... А меня Розой зовут... – прошептала ему в ухо молодая цыганка.

Виктор смущенно улыбнулся и бросил цыганам деньги.

– Эх, брат! Вот тут жизнь, а не в казармах с сопливыми юнкерами да дурно пахнущими солдатами! – не удержался Рома и, обняв друга, прошел к заказанному столу. За ним уже сидели их друзья: Павел Блинов, поручик Александр Савельев и купец Терентий Александров. По раскрасневшимся и веселым лицам было видно, что веселая тройка все же не дождалась своих друзей и приняла уже по рюмке-другой, для разогрева.

– О! Какие люди к нам пожаловали! Какое люди! Господи! – крикнул купец Александров и скомандовал официантам: – Несите скорее закуски, да самое лучшее! С меня золотой каждому, если, стервецы, будете обходительными и порадуете меня и моих друзей!

И началось великое, безграничное и хмельное русское веселье. Пили много, а ели и того больше. Официанты сбивались с ног, еле поспевая приносить все новые и новые блюда русской и французской кухонь. Весь зал снял Терентий Александров для своих друзей. А затем танцевали до упаду, не ведая ни границ, ни стыда. От танца болели ноги и руки, а официанты только и успевали подносить фирменные наливки да коньяки. Музыка сводила Виктора с ума, но еще больше – жаркая фигура молодой цыганки Розы, которая подмигивала молодому капитану и предлагала погадать на руке.

– Вот как гуляем, ребята! Как в последний раз! Вспоминать еще будете, как вас Терентий Александров-то угощал! Играйте, касатики!

И купец бросил в воздух ассигнации.

Виктор сидел и, блаженно улыбаясь, ковырял стерлядь. В этот момент к нему подошла Роза и сказала:

– Пойдем со мной, барин, пойдем! Я тебе все о твоей судьбе и жизни расскажу... Не жалею денег! Что деньги, барин, пыль! А слова мои верные!

И посмотрела своими завораживающими глазами. Виктор улыбнулся и, шатаясь, пошел за красавицей следом. Они пришли в какую-то подсобную комнату.

– Садись!

Виктор послушно сел на табурет у стола. Она же села рядом на стуле и сказала:

– Дай руку. Нет, не эту. Ту.

Взяла ладонь и внимательно посмотрела на нее.

– Эх, барин... Жизнь твоя не простая... Дороги многие впереди ожидают тебя, и страны разные... Вижу войну, вижу боль, но пуля мимо тебя пройдет, и сабля тебя не ранит, и штык тебя минует, и взрывы не заденут...

Цыганка резко повернула стоявшую на столе керосинку и стало заметно светлее.

– Любовь есть у тебя в сердце, да не твоя она, барин... Ох, не твоя... Чужая она... Любит тебя вроде, а мужа нет... Или нет... Не четко видно...

– А ты, барин, вижу я, веры другой будешь, не христианской... Признавайся!

Виктор снова улыбнулся и по-доброму ей кивнул.

– Вижу все сама. Мусульманин ты! Звезда над головой твоей горит. Звезда. А у христиан крест...

Виктор не стал спорить.

– Все молчишь ты, барин, молчишь... Вижу женщину ты любишь... Но не твоя она. А женишься ты потом на другой. И дети у тебя от той, другой будут... Мальчик и девочка... А сейчас ты мало в Бога веришь, лишь немного в сердце веры есть, но потом вернешься к Нему, увидишь Его, и узнаешь... Ангел твой сильный, просит за тебя... Из мира того...

Виктор впервые поднял тяжелую голову и посмотрел на цыганку:

– Старый ангел? С большой седой бородой?

– Старый... Старец, на святого похож... Как с иконы сошедший...

– Это дед... Я знаю... Он за меня, дурака, просит там... И снится мне, часто...

Роза взгляделась в руку Виктора и сказала:

– Вижу я, уедешь ты скоро из столицы... И поведет тебя дорога на Юг, в армию... Но послушай меня, не оставайся с ними до конца... Погибнут они, а как заканчиваться будет месяц уезжай от них... Уезжай далеко, где холод и морозы, там ждет тебя твой человек, сильный и влиятельный, и с ним поднимешься ты... И будет он тебе как фараон, а ты будешь ему, как Иосиф, помощником во всем... Но потом и он падет... И ты с ним... И он тебя предаст, и станет как новый фараон, и забудет о заслугах твоих прошлых... И на чужбине закончишь ты путь свой земной...

Вдруг в комнату вломились Рома и Павел.

– Ах, вот где наш романтичный трубадур, прижимает миловидную цыганочку, пока друзья отвернулись?

– Да нет, ребят, мне тут гадают...

– Хватит гадать! Мне выпить не с кем! – обиженно сказал Блинов.

– Пойдем, пойдем, Витюша! Друзей бросать нельзя!

Виктор расплатился с Розой за гадание и виновато ушел к друзьям, с которыми гулял всю ночь до утра.

Сцена 3

25 октября 1917 года в Петрограде началось вооружённое восстание, в результате которого было свергнуто Временное правительство. Его главными организаторами были Парвус, Ленин, Троцкий, Свердлов и другие большевики. Было плохо и нестабильно, а стало еще хуже... Мрак сгустился над многострадальной Россией.

Эти дни Виктор и его сослуживцы прожили, как в ужасном сне. Уличные бои, шальная стрельба, грабеж и мародерство царили на улицах города. Ненависть к офицерам росла день ото дня. 19 ноября исполняющий обязанности верховного главнокомандующего Русской армией Николай Николаевич Духонин отдал распоряжение об освобождении генералов, арестованных в связи с Корниловским выступлением. За этот шаг Духонин заплатил жизнью. На следующий день быховские узники бежали на Дон, а Духонина убили озверевшие матросы на станции Могилёв.

Павел, как обычно, пришел к Виктору к семи вечера. Усталый и небритый, с тусклым, мертвым выражением лица. Он снял фуражку и шинель и небрежно бросил их на стул.

– Выпить есть? – спросил Блинов вместо приветствия.

Слуцкий быстро принес водку и разлил её в рюмки.

– Коньяка нет. Да и водки мало. И закусь не ахти... Лишь галеты...

– Плевать!

Павел выпил не чокаясь. Вытер губы ладонью и сказал:

– Значит так. Мы уходим на Дон. Сегодня ночью. По слухам, там формируется Добровольческая армия, которая будет бороться с революционной нечистью.

Виктор поднял глаза и спросил:

– Кто едет?

– Я, Ромка, Сашка Савельев. Предлагаем тебе с нами ехать.

– Ясно. А кто формирует эту армию?

– Генерал Алексеев. Туда же устремился и Корнилов. Самые верные и надежные сыны России.

Виктор встал и прошелся по комнате. Был слышен лишь мягкий хруст его сапог. Он подошел к входной двери и внимательно посмотрел на прикрепленную к правому косяку мезузу – футлярчик, в котором висела древняя иудейская молитва. Инстинктивно он дотронулся до футляра и поцеловал свои пальцы. Павел сидел к нему спиной и ел галету.

– Добровольческая армия, говоришь... Царя нет... Керенского нет... Третья присяга, выходит... Все разрушено...

Павел вскочил на ноги и выпалил:

– Да как же ты не понимаешь? Россия же есть! Россия! Ей мы и должны быть верны!

– Что ты, я все понимаю... Все понимаю... А мои в Слуцке где-то... Давно уже писем нет от них... Мать болела в последнее время... Да и отец сдал... Как там старшая сестра с мужем? Младшие сестры на выданье... А я все служу и служу... Может, мне к ним, а Паш?

Павел не ответил. Он налил себе водки и выпил.

– Витька... Я понимаю... Ты не думай. Не каменное же сердце. Семья это святое... Я своих тоже давно не видел. Знаешь что? Может тебе домой надо заехать? Так поезжай, друг мой дорогой... Отдохни... Развейся, а там решишь сам, что лучше для тебя... А кстати, полковник-то Милентин с женой уехали уже в Екатеринодар. Вот, она тебе передала.

Павел протянул ему конверт с письмом. Виктор перевел взгляд на Павла и проронил:

– Я не знал. Не предупредила.

– Там не всё просто было... Видишь ли, он, оказывается, с Деникиным⁵ дружен. Ну, и понял, что к чему... А она, думаю, узнала в последний момент.

– Ты, Паш, верный друг и хороший адъютант его высокоблагородия...

– Так что решил, капитан Слуцкий?

– Сколько времени в моем распоряжении?

– На сборы у тебя есть часа три точно. Так что времени полно. А галеты дрянь! Сыростью отдают. На посошок?

Виктор кивнул. Разлили и выпили молча. Павел встал. Он был очень доволен результатом своей миссии.

– Ну, не переживай. Мы еще вернемся в Петроград победителями, в парадной форме и при орденах, когда оркестр будет играть в нашу честь марш! А родителям напиши... И скажи, чтобы не волновались. Я тебя устрою. Будешь жить, как у Христа за пазухой! Или нет, лучше напиши, как у Моисея за пазухой... Им будет понятнее!

И Павел расхохотался.

– Честь имею. Будь готов!

Блинов надел фуражку, застегнул шинель и вышел.

Виктор рассеяно посмотрел на свою комнату и, не будучи уверенным с чего начать, решил нагреть воды и помыться. В чистоте ему всегда думалось лучше. И хотя уже вторую неделю горячей воды не было, привычка не оставляла его. Он поставил ведро на огонь, но тут в дверь постучали. Виктор открыл дверь. Перед ним стояла его соседка, добрая старушка Агафья Ивановна.

– Виктор Семенович, извините тысячу раз, что я Вас отвлекаю. Но тут такое дело. Вам письмо. Утром приходил почтальон. Звонил, звонил, стучал... Но Вас не было. Я и расписалась за Вас. Так что не сердчайте на меня. Подумала, а вдруг что-то важное.

Слуцкий поблагодарил старушку и взял письмо из её рук. Закрыв дверь, он посмотрел на адрес отправителя. Письмо было от матери. Виктор сел на табурет в кухне и принялся читать долгожданное письмо. Аккуратный материнский почерк грел душу. Мать всегда писала Виктору на идише. По-русски она умела только говорить, но не писать.

«Дорогой мой сыночек!

Как ты там? Совсем я истосковалась по тебе. Уже скоро год, как мы не виделись. Время летит так быстро, как пролетающие мимо нас поезда. Как твоя служба? Хватает ли тебе денег? Как ты кушаешь? Следишь ли за собой? Одевайся тепло, прошу тебя. Какие наступают сейчас холода!

У нас все вроде ничего, слава Б-гу. Отец работает. Сестры твои мне помогают во всем. А я вот разболелась совсем. Был доктор из Минска, профессор, и сказал, что плохи мои дела... Говорит он, что вряд ли доживу я до Пейсаха⁶...

Нелегко осознавать, что я покидаю вас, но на все, видимо, воля Б-га... Решила я тебе написать перед смертью и раскрыть одну тайну, которую никогда не раскрывала ни тебе, ни кому-либо еще на целом свете.

Витенька, ты не сын своего папы...

Мне тяжело об этом писать, но дело было так. Нас женили с папой, когда ему было 13 лет, а мне 12. Я его не знала, а он меня. Мы увиделись за час до свадьбы, и всё. Обо всём договорились наши родители и раввин. Я была хорошей женой, но что такое любовь я не знала...

⁵ Антон Иванович Деникин (1872–1947) – русский военачальник, генерал-лейтенант, один из лидеров Добровольческой армии и Белого движения, публицист, политический и общественный деятель.

⁶ Пейсах – древний еврейский весенний праздник выхода из Египта.

В общем, как-то гостила я у тети своей в Малороссии, в Староконстантинове, и там познакомилась с одним русским семинаристом. Мы были молоды и полны жизненных сил, и, несмотря на то, что мы с трудом

понимали друг друга, между нами вспыхнула любовь... Он твой папа, Витенька...

Зовут его отец Михаил Крылов. Он стал православным священником, а живёт он в селе Стуфчинцы, под Проскуровым. Там его знают. Его адрес: улица Николаевская, дом 34.

Мало ли как жизнь сложится. Я подумала, что не имею права от тебя это скрывать.

Знай, что по закону Моисееву ты рожден иудеем, и это вера моя, и всех предков твоих. Но настоящий отец твой не из сыновей Израиля, хоть он порядочный, прекрасный человек, который все эти годы любил меня.

Конечно, воля твоя сынок, как поступить, но я бы все-таки посоветовала тебе встретиться с твоим настоящим отцом и познакомиться с ним. Насколько я знаю, он будет очень рад этой встрече.

Прости меня за все грехи мои, если что было не так в жизни. Не знаю, будет ли еще возможность написать тебе, и молю Г-да, чтобы ты получил это мое, видимо, последнее письмо. Да хранит тебя Г-дь, помни, что я всегда тебя любила и люблю, и там, в мире истинном, у престола Г-да, буду вечно молить Его о тебе, и о твоём благополучии.

А ты береги себя, не рискуй напрасно и не полагайся на чудо. Время сейчас опасное, люди злобные и совсем потеряли страх Б-жий. Я знаю, что ты захочешь бросить все и сразу приехать ко мне, но я не хочу этого. Не хочу, чтобы ты видел меня больной и переживал. Прошу тебя, приезжай потом. Не сейчас.

И женись, сыночек мой, прошу тебя, не откладывай... Не стоят все девки мира хорошей женой и хороших детей. Найди жену хорошую, такую же, как твоя бабушка Сара. Верную, добрую и любящую...

Целую тебя крепко, крепко.

Твоя мама.»

Виктор прижал письмо к губам и поцеловал его. Он медленно сел на корточки и разрыдался, как маленький ребенок. Перед глазами пролетела вся жизнь. От первых младенческих воспоминаний молодой и красивой мамы до последних кадров прошлого лета, когда он отпрашился в отпуск домой.

– Г-ди, Б-же мой, что же Ты делаешь... Что Ты делаешь и зачем тебе это надо? Зачем? Забираешь самых лучших людей... Мамочка, мамочка... – шептал он как безумный и плакал.

Вдруг на кухне зашипела вода, переливающаяся на огонь. Виктор медленно встал и снял ведро с огня. Затем, как в тумане, он помылся, переоделся и машинально собрал все свои вещи. Ненужное выкинул. Вроде все было сделано. Затем достал из планшета чистые листы бумаги и сел писать родителям письмо. Написал все, как было. О том, что жив и здоров, о том, что друг его Павел Блинов помогает ему во всем, о том, что с едой перебоев нет, несмотря на тяжелое положение в городе. Написал, что работает на неопасной штабной работе. Перекладывает, мол, бумажки из стола в ящик и наоборот, да рапорты строчит. О планируемом переезде на Юг России не написал ни слова.

– К чему родителям нервы портить? Перееду на новое место и напишу.

И тут шальная мысль пронеслась в его голове:

– А может, к родителям? Бросить все и к ним? Мать больна! А ты едешь чёрти куда чёрти зачем?

Но тут же он вспомнил мамины слова из письма: *«Я знаю, что ты захочешь бросить все и сразу приехать ко мне, но я не хочу этого. Не хочу, чтобы ты видел меня больной и переживал. Прошу тебя, приезжай потом. Не сейчас»*. Мать была очень упряма, и он знал, что она бы очень хотела, чтобы он послушал её совета и не приехал. Скрепя сердце он решил подчиниться.

Закончив писать, он вложил письмо в конверт, написал адрес и отнёс его к соседке, чтобы та отправила, щедро заплатив ей при этом. Виктор вернулся к себе и распечатал второй конверт. Милый почерк и буквы с завитушками.

«Дорогой Витенька!

Мы с мужем спешно уехали в Екатеринодар. Он будет теперь служить в новой, формирующейся на Юге России армии. Я буду тебя ждать дорогой мой! Жизнь моя потеряет всяческий смысл без тебя. Только ты вносишь в нее смысл. Я думаю о тебе постоянно и живу лишь ожиданием нашей встречи. Не медли, дорогой мой. Пашенька во всем поможет тебе! Он хороший, добрый, глубоко порядочный и верный тебе человек! Да ты и без меня это все знаешь. В голове такой сумбур от всего происходящего.

Удачи тебе, родной мой! Жду тебя! Приезжай скорее!

Твоя В.»

Виктор печально улыбнулся и вдруг в дверь постучали. Это был Паша.

– Ну-с, господин капитан, готовы ли Вы навестить Вашу больную тётушку, проживающую на Юге?

– Готов, Паша.

– Ну, и прекрасно. Вот тебе сопроводительное письмо, разрешающее тебе покинуть расположение полка сроком на две недели. Все сделано как надо. На всякий случай. Без этого сейчас нельзя. Так-с. Где твой чемодан? Одевайся.

Виктор надел фуражку и шинель. Перекинул портупею и застегнул ремень с кобурой. Положил перчатки в карманы.

– Не спеши, Витя. Присядем на дорожку.

Сели на кухне молча.

Павел встал, перекрестился, и, обведя стены взглядом, сказал:

– Пора! Таксомотор ждёт.

Сцена 4

Волны сильно били и качали старый пассажирский корабль «Мельбурн». Люди стояли на палубе, из последних сил держались за холодные железные перекладки, многих тошнило. Шолом стоял спокойно и не отрываясь смотрел на серую бушующую воду. Серая пена гуляла по волнам, то поднимаясь, то исчезая. Вокруг в основном были солдаты. Сотни французских шинелей, так осточертевших Шолому за годы войны. Да и сам он был одет в эту же французскую форму. Все эти люди, так же как и он сам, были гражданами России, волею судьбы оказавшиеся во Франции в 1914 году и изъявившие желание воевать с немцами. Все они вступили добровольцами в армию Франции и прошли ад мировой войны, а теперь, узнав о революции на родине, решили вернуться в Россию. Кого тут только не было! Русские, поляки, литовцы, латыши, евреи.

Корабль сильно потрянуло, и Шолом вздрогнул от неприятного чувства.

– Страх... Я всю жизнь боролся с этим страхом. Со страхом потерять жизнь, – подумал он и усмехнулся. – Наверное, для того, чтобы победить его, я ушел добровольцем на фронт, на следующий день после того, как женился на Хане! Хотя не только из-за этого, наверное... Не хотелось, чтобы говорили, что евреи отсиживаются дома, пока христиане льют кровь. И, оставив молодую жену, я ушел на войну... Бедная Ханале⁷, досталось ей со мной! А теперь я тащу её в Россию! Ну да ладно, пусть отдохнет в каюте пока. А я тут постою.

Шолому вспомнились вдруг его служба во французской армии и его отряд из одних евреев, где все говорили на идише... Вода залилась на палубу и отвесила Шолому пощечину, намочив воротник.

Он лишь усмехнулся в усы.

Когда-то очень давно, еще ребенком, мачеха его облила водой, и он заплакал от обиды. А теперь вода была благословением по сравнению с артиллерийскими обстрелами, кровавыми боями, рукопашными сражениями или той проклятой немецкой пулей, которая прострелила ему легкое 1 марта 1916 года и чуть было не отправила его на тот свет.

Шолом смотрел на морскую воду, и вся его жизнь проносилась перед глазами. А сколько всего было за этот тридцать один год!

– Ах ты, сука монархическая! Контра! Братишки, хватай его! – хрипло заорал кто-то сзади.

Шолом обернулся. Кого-то безжалостно избивали. Драка быстро подошла к концу, когда озверелые солдаты сбросили за борт своего политического оппонента. Несчастный с криком полетел вниз. Раздался всплеск. Хохот солдат прорезал воздух на палубе.

Шолом поежился от ужаса. Он часто видел смерть, но смерть врагов, одетых в ненавистные зеленые немецкие мундиры, с рогатыми касками, штальхельмами, на головах. А тут убивали свои своих же! Ему было очень неприятно от ощущения собственного бессилия и невозможности что-то изменить, поэтому Шолом устало пошел в свою каюту, где спала его жена. Снял шинель и фуражку, лёг. Грудь ныла в месте ранения. Он выбрал более-менее удобную позицию и заснул. Тяжелый сон, переполненный какими-то разрозненными, не связанными между собой обрывками сновидений, навалился на него. Он видел во сне отца, маму, а затем почему-то лицо своей первой возлюбленной, улицы Вены и Львова, пивные Будапешта и французские окопы, грязные и страшные.

⁷ Ханале – уменьшительно-ласкательная форма женского еврейского имени Хана, трансформировавшегося у европейских народов в Анну.

Интермедия. Детство

Балта⁸... Несколько поколений его предков родились и выросли в этом маленьком южно-русском, подольском городке. Там жили разные народы: евреи, малороссы, русские, немцы, поляки, румыны... Каждый народ жил своей жизнью, сохраняя свои обычаи и свой язык. Евреев было в Балте больше всего. К концу XIX века их было около 27000 человек, т. е. половина всех жителей города. Всё было рядом. И Киев, и Одесса, и Львов на севере, и Кишинев на западе, и Елизаветград на востоке. Железная дорога проходила близко от Балты. И именно поэтому Балта стала центром торговли пшеницей. Но, помимо пшеницы, здесь торговали и табаком, и мылом, и мукой, и алкоголем. Дед Шолома, Мойше⁹ Гральник, был богатым и успешным торговцем пшеницей и спиртом. И все евреи в округе сравнивали его с праотцом Иаковом, богатым и благословенным. Даже поговаривали, что на каждого ребенка, Б-г посылает Мойше рублик... Третьим ребенком деда и стал будущий отец Шолома – Иче¹⁰.

И если дед был удачливым, как библейский патриарх Иаков, то отец Шолома родился с трагической и лишенной везения судьбой многострадального Иова... Он жил во времена Александра III, не испытывавшего особой любви к евреям... Беды повсюду следовали за Иче. Началась Русско-турецкая война 1877–1878 годов, и Иче забрали в солдаты. Несмотря на тяжелые годы, проведенные им на войне и в армии, Иче остался богобоязненным хасидом¹¹.

А после войны отец женился на молоденькой девушке Хае Вайсбергер, будущей маме Шолома. Иче и Хая постарались осесть в Балте, но после кровавого и страшного погрома¹², потрясшего город в 1882 году, они покинули город и поселились в деревне. Однако и там им было не суждено долго прожить. Последовал царский указ о выселении евреев из сельской местности. Молодая пара переехала в Измаил. Там родился их четвертый ребенок Шолом. Произошло это в субботу, 18 августа 1886 года. Эту субботу иудеи по всему миру уже две тысячи лет как называют субботой утешения¹³, в память о том, что разрушенный римлянами иерусалимский храм будет в конце времен отстроен мессией. В это страшное время преследований и погромов пара потеряла троих старших детей. Мама часто потом говорила Шолому: «Сыночек, мой родной, ты родился в субботу утешения, и утешил нас с папой, после того как Б-г забрал у нас трех детей... Я верю и чувствую, что ты станешь надеждой и утешением всего нашего народа Израиля!»

Как и положено согласно завету Авраама, на восьмой день после рождения, Шолому сделали обрезание в маленькой деревянной синагоге, куда собрались все друзья и соседи семьи Шварцбурдов. Отец накрыл столы и поставил много вина. Старый седобородый раввин встал, и, подняв сухонькой рукой серебряный бокал с вином, сказал:

– Особенный сегодня день! Что же это за день? Это суббота утешения, Шабос Нахаму, когда Б-г утешает нас после траурного дня разрушения двух иерусалимских храмов, 9 Ава... И месяц этот особенный! Каждый месяц расположен под своим знаком Зодиака, коих, как

⁸ Балта – город в нынешней Одесской области.

⁹ Мойше – «Моисей» на иврите.

¹⁰ Иче – сокращенное от «Исаак».

¹¹ Хасиды – приверженцы хасидизма. Хасидизм («праведность» на иврите) – религиозно-мистическое течение в иудаизме, которое в первой половине XVIII века за очень короткое время широко широко распространилось в Российской империи и восточной Европе.

¹² Погром произошел в Балте в марте 1882 года. Это был один из самых кровавых еврейских погромов, прокатившихся по Малороссии после убийства Александра Второго. В нем пострадали более 5000 семей. Город был превращен в пустыню. Все дома были разграблены. 200 человек были ранены, трое убиты. Многие женщины и девушки были изнасилованы.

¹³ В эту субботу во всех синагогах мира читают 40-ю главу пророка Исаии, которая начинается так: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Б-г ваш».

известно, двенадцать, по числу колен Израиля... Сейчас на дворе месяц Ав... Это месяц, на который влияет знак Льва... И вот, присоединился к нашей общине и вошел в завет Авраама¹⁴ еще один сын Израиля... Шолом бен¹⁵ Ицхок... Дай Б-г, чтобы он вырос настоящим львом! Таким львом, каким был царь Давид! Лев – это ведь древний символ царей из династии Давида... Лев – это символ Иудеи... Лев – это гордый знак. Знак воина и защитника своего народа... Пусть именно таким станет твой сын, Иче... Не овцой... Овец у нас и так достаточно... «Израиль – рассеянное стадо»¹⁶... И все, кому не лень, нас обижают... И год у нас на дворе стоит особенный... Сейчас ведь идет 5664 год по нашему календарю... А на иврите каждая буква имеет и численное значение. Какое же слово получается из этого года? Слово «жертвуйте»¹⁷. Это призыв свыше к этому мальчику. Призыв, чтобы он был готов жертвовать собой ради нашего народа... Но будем надеяться, что это будет не буквально, а только деньгами и добрыми делами... За него! Лехаим¹⁸!

И все выпили за маленького льва. Во время трапезы старый раввин снова встал и подошел к маленькому Шолому, спящему на руках у мамы. Он улыбнулся малышу и сказал:

– Особенная душа пришла в этот мир! И озарила его великой святостью! Необычайным, божественным светом! Не знаю, почему, но чувствую я, что этот мальчик обладает очень высокой душой, ради великих и святых дел спустившейся в наш низкий, материальный мир. Написано, что внук первосвященника Аарона, брата Моисея, Пинхас¹⁹ обладал душой пророка Илии²⁰... Это не просто так... Пинхас был мстителем. Он отомстил за грехи народа нашего и казнил грешников. И пророк Илия мстил грешникам и очищал мир от зла. И этот мальчик вырастет и станет мстителем великим! Он станет ревнителем Б-га! И о нем, как в свое время о Пинхасе, внуке Аарона, скажет Б-г: «Вот, Я даю ему Мой завет мира... за то, что он показал ревность по Б-ге своем и заступил сынов Израилевых»²¹.

И никто тогда не мог предположить, что слова старого ребе окажутся пророческими.

Однако беды и скитания семьи Шварцбурдов не закончились. Последовал еще один царский указ, на сей раз запретивший евреям жить в пятидесятикилометровой зоне от границы. И семья вернулась в Балту, где Шолом и вырос. Мальчику было всего два года, но он четко запомнил запуганный и еще не успевший прийти в себя после погрома город, в котором соседи-украинцы говорили: «Погодите, жида! Мы еще вам покажем!»

Шолом ясно запомнил Балту, когда они приехали в нее с родителями, несмотря на то что ему было лишь два годика. Родной город Шварцбурдов показался ребенку окруженным со всех сторон голыми холмами, без травы и растительности, пустынными, как будто они только что были созданы Творцом, и почему-то страшными и пугающими. Тем не менее, Балта принесла некоторое спокойствие в жизнь молодой семьи, и там же в апреле 1888 года родился и младший брат Шолома, Шмулик²².

Именно в Балте молодая семья родителей Шолома стала ближе к остальным родственникам. Вначале они стали жить в нееврейской части города, остановившись у дяди Шмуэля, брата Иче. Однако вскоре столь разные братья начали ссориться. К ссорам присоединились и их жены, обе носившие имя Хая. И семья Шолома переехала от его дяди. Отец начал арендовать место под магазин и занялся торговлей. Семья жила за счет мелкой розничной торговли

¹⁴ Завет Авраама – обрезание.

¹⁵ Бен – сын (иврит).

¹⁶ Книга пророка Иеремии, 50:17.

¹⁷ 5664 год пишется на иврите такими же буквами, что и слово «жертвуйте».

¹⁸ Лехаим – древний еврейский тост. В переводе с иврита «За жизнь!»

¹⁹ В русском переводе Библии это имя звучит как Финеес.

²⁰ Мидраш Рут, глава 4, стр. 3.

²¹ Библия, Книга Чисел, 25:6-13.

²² Шмулик – уменьшительно-ласкательное от имени Шмуэль – Самуил.

Иче и маленькой бакалейной лавки Хаи, которая продавала сельтерскую минеральную воду. Увы, к тому времени от сказочного богатства деда ничего не осталось... Все куда-то исчезло, как будто и не было этого богатства.

Родители всегда были добры к Шолому и Шмулику и многое им позволяли. Как-то два брата решили начать игру в спички. В результате начался пожар, быстро охвативший родительский дом. Самих братьев чудом спасли, а у семьи Шварцбурдов сгорело все, что было.

Отец тогда постоянно утешал маму и все время повторял ей:

– Вот увидишь, дорогая моя, после пожара мы обязательно разбогатеем! Нам поможет Г-дь! Теперь обязательно поможет!

Однако, к сожалению, помощь небес не последовала. А последовал еще один тяжелый удар. В августе 1891 года Хая родила мальчика, которого назвали Меером, но и он вскоре умер. Горю родителей не было предела.

Казалось, что несчастья идут за ними следом. Вскоре, в то время как Шварцбурды были в синагоге, во время вечерней молитвы в пятницу, их дом ограбили и вынесли все немногочисленные ценности, которые у них были. Но вместо слез они лишь повторяли:

– Слава Б-гу, что так! Откупились от большей беды! Зато наши детки здоровы! Зато мы живы! «Деньги потерял – ничего не потерял. А если настроение потерял, то все потерял...»²³

Вскоре после этой кражи мама Шолома тяжело заболела и умерла... Он помнил её всегда. И часто, где бы он ни был, ему чудилось, что она рядом с ним. Он ощущал её незримое присутствие, видел её доброе лицо и печальную улыбку. Следующий эпизод он постоянно вспоминал:

– Шоломке²⁴, мой сыночек! Ты хочешь исполнить заповедь и сделать доброе дело?

– Да, мама!

– Тогда отнеси этот узелок твоему дяде. Я собрала им подарки к Пуриму²⁵. Здесь и лейках²⁶, который я испекла, и мое домашнее вино из изюма, и фрукты. И пожелай им от нас веселого Пурима!

– Хорошо, мама!

– Смотри, иди аккуратно, а пока ты не вернешься, я не буду убирать дом!

Шолом улыбнулся, взял узелок и спросил:

– Mamочка! А почему ты не будешь убираться, пока я не вернусь домой?

Мама широко улыбнулась и поправила платок на голове.

– Потому что это такой старый еврейский обычай, Шоломке.

– А зачем мы ему следуем, мамочка?

– Так делала моя прабабушка, и бабушка, и мама. И я так делаю. Наверное, смысл в этом обычае такой. В мире есть много злых сил, мой Шоломке. Б-г создал сатану, ангела темных сил, и множество духов и чертей, которые ему подчиняются. Все они слуги Б-га и сделаны Им для того, чтобы соблазнять человека делать плохое, а затем наказывать его за это. Так вот, Г-дь наш знает все и видит все, но сатана и силы зла ограничены, и знают далеко не все. И мы часто пытаемся обмануть сатану, чтобы он не смог нам навредить и причинить боль.

– А причем тут мой поход к дяде и то, что ты не будешь убираться?

– Как же? Я не буду убирать твою комнату и не буду трогать твои вещи, и нечистый подумает, что ты никуда не ушел и что ты дома. И не навредит тебе в дороге! А он, мальчик мой, всегда старается напакостить в момент опасности! А любое путешествие всегда опасно. Поэтому мы его и обманываем! Обмануть врага это умно и правильно, Шоломке! А теперь беги! Храни тебя Всевышний!

²³ Старая еврейская поговорка на идише: «Гелт форлойрен – ништ форлойрен. Мут форлойрен – алц форлойрен».

²⁴ Шоломке – уменьшительно-ласкательная форма имени Шолом.

²⁵ Пурим – веселый еврейский праздник, история которого описана в библейской книге Есфири. В этот день принято дарить друг другу съестные подарки и веселиться.

²⁶ Лейках – медовый пирог (идиш).

И мама обняла Шолома и поцеловала. Он взял узелок и поспешил к брату отца. Вокруг зеленела сочная трава, пели птицы, небо было голубым, и запах разнотравья пьянил Шолома. У дяди он получил много конфет в подарок и счастливый вернулся домой с гостинцами от тети.

Каждую пятницу, перед наступлением шабоса²⁷, мама убирала весь дом, мыла детей, накрывала на стол белую скатерть и зажигала свечи в больших серебряных подсвечниках. Шолом стоял в углу, чистый, в белой праздничной сорочке и в черных наглаженных брючках, и смотрел, как мама зажигает свечи. Она несколько раз водила руками над ярким пламенем свечей, а затем долго молилась. И Шолом замечал, что почему-то мама всегда плакала в этот момент.

– Мамочка! Почему ты плачешь? Ведь шабос это веселый день?

– Ах, сыночка мой! Я прошу у Б-га за всех нас! За меня, за папу, за тебя, за твоего братика! И переживаю!

– Мамочка, но ведь Б-г хороший! Он же нам поможет во всем, мамочка! Не плачь, пожалуйста, не плачь!

И мама улыбалась. И отвечала:

– Перед Б-гом можно плакать, Шоломке. Б-г – наш Папа. Перед ним можно быть настоящим и не скрывать того, что на сердце! А перед людьми необязательно изливать душу! Не поймут! Лишь обрадуются твоим неприятностям! Даже если тебе плохо, а щеки твои бледны, ущипни себя до боли, чтобы они стали красными и румяными, и покажи всем фиги! Всем врагам назло!

И мама погладила его пейсы.

А как мама готовила! Никогда и нигде больше Шолом не ел так вкусно! На шабос она делала золотой куриный бульон с кнейдлах²⁸! Форшмак из селедки! Цимес²⁹! Фаршированную рыбу, непременно сделанную из трех сортов рыб: щуки, карпа и судака. И Шолом всегда помогал маме крутить ручку мясорубки, через которую она пропускала мясо рыбы. Он всегда помнил ее «Бабку», пирог из мацы с яйцами! Шейку³⁰ и запеченного гуся! И яблочный штрудель! А папа всегда восторгался её домашними наливками и вином.

Отец брал сыновей на вечернюю молитву в синагогу встречать субботу. Он шел, как король, в черном шелковом лапсердаке, в белоснежной рубашке и в темной меховой хасидской шапке – штраймле. Шолом еле успевал за отцом и, чтобы не отстать от него, крепко держался за его длинный, черный хасидский молитвенный пояс – гартл.

Пока мама была жива, для маленького Шолома, великий и милосердный Бог, в своей безграничной к нему любви, создал рай на земле. Но вдруг его мир рухнул в один день, когда мамы не стало. В этот день ему было всего семь лет!

И мир померк в одночасье! Страшный день! Жуткий! Мама лежала, не шевелясь, бледная и немая.

– Папа! Она спит! Папа! Я знаю, папа! Я знаю! – кричал он диким, срывающимся от хрипоты, лающим голосом.

²⁷ Шабос, или Шабат – суббота. Священный день для евреев, в который строжайше запрещается работать. Соблюдение субботы это одна из 10 наиважнейших библейских заповедей. «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его». Библия, Книга Исход 20:8-11. Заповедь о субботе многократно названа в Библии вечным заветом между Богом и Израилем: «скажи сынам Израилевым так: субботы Мои соблюдайте, ибо это – знамение между Мною и вами в роды ваши, дабы вы знали, что Я Господь, освящающий вас». Библия, Книга Исход 31:13.

²⁸ Кнейдлах – блюдо еврейской кухни. Это галушки из муки, сделанной из мацы, которые едят с куриным бульоном.

²⁹ Цимес – десертное блюдо еврейской кухни. Представляет собой сладкое овощное рагу различного состава, который зависит от местности и обстоятельств. Чаще всего морковное.

³⁰ Гефилте гелзеле (идиш) – фаршированная куриная шейка.

Он упал на выкрашенный в коричневый цвет дощатый пол, уже который день не метенный, грязный и пыльный, и рухнул к ногам отца. Обнял их изо всех сил и, заливаясь горячими слезами, заорал:

– Не забирайте её! Она проснется, папа! Не за-би-ра-йте!!!

Он вцепился в башмаки отца, черные, кожаные, мятые и грязные, и начал их целовать... Вкус кожи и грязи, перемешанный со слезами, навсегда остался в его памяти... Отец поднял его с пола и, обняв, плакал вместе с ним... И слезы потоками текли по его большой, родной, мягкой бороде, длинной и распушенной, никогда не знавшей, что такое ножницы...

– Сыночка мой! Шоломке мой! Послушай майсу³¹ папы!

И он тогда поднял свои воспаленные, красные глаза на отца и внял ему.

Иче смахнул слезы, размазав их по распухшему лицу и сказал:

– Б-г создал все! И как-то он создал самый прекрасный бриллиант на свете! Твою маму! Она была сокровищем и светом нашей семьи! Но Он так её любил, что решил забрать назад свое творение. Она его дочь, Шоломке! Лежит там не мама, а её земная одежда. Душа мамы уже в раю! А эту оболочку надо похоронить. Так надо, Шолом. Так заповедано нам Богом! И нельзя так страдать, ведь мы знаем, что земная жизнь – это лишь миг, а настоящая жизнь там... А мама жива, в раю... У Б-га!

Иче навзрыд зарыдал и разорвал на себе рубашку³². И так они плакали вместе.

Полусон траурной недели... Зеркала завешены. На столе горит поминальная свеча. Дома не едят мяса и не пьют вина. Горечь траура во всем. Двери дома то и дело открывались, и приходили соседи и родственники, произнося на иврите древнюю сакральную фразу:

– Да утешит вас Вс-шний среди скорбящих Сиона и Иерусалима!

Они все, эти приходившие и уходившие люди, черные хасиды и старухи в париках, все как на одно лицо в глазах забившегося в угол Шолома, садились за стол и утешали отца... Все как один цитировали места из Торы и пророков и что-то нудно объясняли, как раввин на проповеди, но маму этим было не вернуть... И Шолом горько плакал, и потоки слез текли из его глаз.

Тогда, в эти страшные дни, он впервые затаил обиду на Бога.

– Почему Ты забрал у меня маму? Зачем ты сделал меня сиротой? Меня и моих близких? Ты злой Б-г! Ты нехороший! – шептал он себе и смотрел в небо.

Но время шло. Шолом ходил учиться в хедер – еврейскую религиозную школу, где меламед³³ обучал его основам Торы и Талмуда. Однажды придя домой из школы, Шолом увидел, что отец как-то волнуется и вроде что-то хочет ему сказать и не решается.

– Пап, ты хочешь мне что-то сказать?

– Да, Шоломке! Ты такой догадливый!

– Что папа?

– Написано у нас в Торе: «Нехорошо человеку быть одному»³⁴. Есть заповедь жениться...

Отец запнулся. А Шолом вскочил на ноги и крикнул:

– Ты женишься снова? И забудешь маму?! Папа! Папочка! А как же мама? Неужели ты её совсем забыл?

– Я не забыл её! Что ты! Но мама в раю, а я тут...

– Папа! А через 120 лет ты приедешь к маме в рай с этой новой женой? Так? И что ты думаешь она на это скажет?

³¹ Майса – история (идиш).

³² Еврейский обычай. По мертвому рвут рубашку в знак траура.

³³ Меламед – школьный учитель религиозных иудейских предметов.

³⁴ Цитата из Библии. «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему», Бытие 2:18.

Шолом выбежал из комнаты, с гневом хлопнув дверью. Он убежал на старое заднее крыльцо дома, сидел там и плакал. И ему казалось, что невидимая никем, прозрачная и тихая, подобная дуновению ветерка, к нему приходит из рая его мама и обнимает его и целует его в макушку, так, как это могла делать только одна она.

– Б-г! – говорил Ему на идише Шолом, – Б-г Авраама, Исаака и Иакова, Б-г моего деда и отца, услышь мою молитву сироты! Преклони к ней свое ухо! Ты знаешь, почему я в тебя еще верю? Потому, что я верю, что моя мама жива в раю! А если есть мама и рай, то есть и Ты. Но я очень обижен на Тебя! И Ты еще ответишь мне за мою боль! Ты привык всех судить! Но я буду судить Тебя!

Он говорил и рыдал. Тихо к нему подходил отец и обнимал его. И вместе они сидели на старом крыльце. Смотрели на голубое, в серых облаках небо, на паутину паука и на потрескавшуюся, местами облезшую краску потолка навеса над крыльцом.

В ту ночь мама впервые пришла к Шолому во сне. Молодая и красивая. Обняла его, поцеловала и спросила:

– Шоломке, ну, что ты так убиваешься, маленький мой! Мне здесь очень хорошо!

– Правда, мама? Правда?

– Правда, мой малыш! Рай – это самое прекрасное место!

– А что там хорошего, мамочка?

– Представь себе, захотел ты попасть в Париж! Миг, и ты в Париже! Или в Риме! Все для тебя! Хочешь, и ты летаешь, как птица, а хочешь, и ты плывешь под водой, как рыба... Тут все возможно. Тут нет болезней, старости, смерти, страха...

– Мамочка, мамочка! Можно я приду к тебе! Возьми меня в рай!

– Нет, Шоломке! Тебе пока нельзя ко мне, мой сыночек! Но ты утешись.

И мама положила ему две руки на голову и благословила его. Теплые руки, мамины... И он проснулся. И принял судьбу. После этого сна ему стало легче, и боль утраты затихла.

Шок случился потом, когда отец пригласил Шолома на свою помолвку. В большой деревянной синагоге было полно людей. Мужчины были справа, а женщины слева. Между ними перегородка. Раввин, пейсатые хасиды, все громко говорят, перебивая друг друга. И затерянный между ними Шолом. Он пробрался к перегородке, обошел её и увидел избранницу отца. Она ощутила его строгий взгляд и обернулась. Страшная женщина! Глаза её пылали ненавистью к нему с первого взгляда, как ему показалось. Она, конечно, улыбнулась, но лишь губами. Протянула было ему конфету, но Шолом побрезговал.

– Ненавижу! – прошептал он сквозь зубы.

Черноволосая, худая женщина с бледным взволнованным лицом осталась позади, в кругу своих подруг и соседок, а Шолом вновь очутился в мужской половине, где пил водку его отец с раввином. Пили они, как обычно, мало, из крохотных рюмочек, и закусывали селедкой с картошкой. И все говорили о Моисее и Давиде, о Соломоне и Данииле, о Иеремии и Захарии. Цитаты из Торы и Талмуда и пожелания вечного, неземного счастья лились отовсюду. И, как всегда, разбили на счастье тарелку, в память о давно разрушенном римлянами иерусалимском храме...

Через месяц сыграли свадьбу, и в дом вошла мачеха Фрида. Дом мамы сразу стал другим, как только его порог переступила эта чужая женщина. Она не любила детей, а Шолома просто ненавидела, пусть и тайно.

Он же прибежал к отцу и, плача, в деталях, жаловался ему на нее. Папу он не винил! Более того, он чувствовал, что папа, наверное, как и он сам, мучается с этой гадиной. Как бы она себя ни вела, как бы ни унижала его и ни заставляла работать, он никогда не обвинил в своих мучениях отца. Иче все понимал и разрывался между любовью к горделивому сыну и привязанностью к новой жене. Фигура мачехи даже сблизила отца с сыном: и вечерами, после работы, и по субботам Иче учил с сыном Тору и рассказывал ему древние еврейские истории.

Как-то вечером, вернувшись домой из своей лавки и поужинав, отец позвал десятилетнего Шолома к столу.

– Садись, сынок, садись... Давай поговорим.

Шолом посмотрел на отца обиженными глазами. Он так хотел ему рассказать про козни мачехи, но она была рядом, и мальчик сдержался. Отец погладил свою длинную бороду, кашлянул и сказал:

– Ты уже вырос, Шоломке... Повзрослел, возмужал. И я подумал вот о чем. Хватит тебе пока учиться в школе. Надо тебе изучить какое-нибудь ремесло, которое сможет тебя кормить в будущем. Как написано у нас в Талмуде: «Если нет муки, то нет и Торы»³⁵. Поэтому надо работать и зарабатывать, дорогой мой сыночек...

Шолом испуганно и пораженно молчал.

«Неужели я больше никогда не увижу моих друзей из класса? Нашего учителя? И старого и смешного ребя, который рассказывает нам о пророках?» – подумал он.

Отец тепло улыбнулся и взял сына за руку.

– Завтра я отвезу тебя, и ты станешь учиться часовому делу! Шутка ли сказать? Станешь учеником часовых дел мастера! А жизнь знаешь сейчас какая? Все люди носят часы! Все, Шоломке... Даже, смешно сказать, женщины и молодые парни... И те все с часами! А часы ломаются, как любые вещи! А ведь под солнцем все временно... Ничто не вечно! Не ломается только Вс-вышний, да будет благословенно Его имя... И все будут к тебе идти и ремонтировать у тебя часы... Разные, всякие... Простые и дорогие. Железные, серебряные, золотые, и даже с драгоценными камнями! И все будут идти к тебе! К часовых дел мастеру Шварцбурду! А у тебя будет свой салон! Целый салон!

Сын встрял и сказал:

– Папа, но ведь ты мне желал, чтобы я стал раввином!

Отец запнулся и прикусил губу.

– Да, сыночка мой... Желал. Да. Но, видишь ли, какое дело, сейчас пока что надо стать часовщиком. А знаешь, многие великие раввины имели профессию! Да! Раби Йоханан чинил обувь³⁶...

Из кухни раздался окрик Фриды:

– Иче, хватит! Уже кажется все решено. Чего болтать попусту? Завтра с рассветом отвезешь его.

Шолома ударил этот противный и чужой голос. Он встал на ноги и сказал:

– Папочка! Папочка! А как же, мы с тобой больше не будем Тору учить? Ты же мой учитель еще, папочка! Мой добрый и самый мудрый учитель! Кто же мне теперь будет рассказывать о царе Давиде и Соломоне, о пророке Данииле, о Моисее? Кто, папочка?

У Иче кольнуло сердце. Он отвернулся в сторону и увидел злобное лицо Фриды.

– Мы будем учиться, сыночка. У тебя будут каникулы. Мы будем часто видеться, родной мой!

Шолом подбежал к отцу и обнял его изо всех сил. Вцепился в него... Пальцами он ощутил его лапсердак и пахнущую табаком жилетку. Он не хотел отпускать отца. Он не хотел ничего менять!

Иче обнял сына. Он положил свои руки на его родную голову, поверх черной, бархатной ермолки, и благословил его. А затем сказал ему:

– Сыночка, родной мой, поверь мне! Поверь папе, Б-г свидетель, я не хотел, чтобы ты стал рабочим. Я мечтал, чтобы ты у меня стал Ребе³⁷! Настоящим мудрецом Торы! Но время

³⁵ Мишна, трактат Авот 3:17.

³⁶ Великий мудрец Раби Йоханан (III век н. э.) был сапожником. Мишна, трактат Авот 4:11.

³⁷ Раввином, ученым-богословом.

сейчас такое плохое, такое тяжелое время, как семь худых коров... Помнишь, которые были во сне у фараона? И я поэтому договорился с нашим, местным евреем из Балты, Исроэлем, чтобы ты поступил к нему в ученики. А жить будешь у него. Так надо. Он так хочет. Но по субботам и по праздникам ты будешь у нас! Это же не страшно, сыночка! Мне на войне страшнее было! Поверь папе!

И Шолом поверил. Как можно было не поверить папе-герою?

Так началась судьба Шолома как часовщика. Именно в Балте, будучи в начале подмастерья мастера, он и научился ремеслу, которое потом будет его кормить всю жизнь.

Интермедия. Отрочество и юность

Шолом начал учебу. На самом деле он жил у часовщика, потому что у его отца не было даже денег, чтобы его кормить. И Иче договорился о том, чтобы мальчик жил на содержании у мастера всю неделю и приходил домой лишь на субботу и праздники. Так, впервые в жизни, Шолом оказался один в чужом доме. Отец договорился о пятилетнем сроке обучения. Единственным упущением в этой сделке было то, что никакой стипендии Шолому не полагалось, а собственных денег он не имел.

Во второй половине дня в пятницу Шолом приходил домой, мылся и переодевался в чистые праздничные одежды, как того и требует закон Моисея, и вместе с отцом шли они в синагогу, где уже и яблоку негде было упасть от количества пришедших на молитву мужчин.

– Ну, Шоломке, почитай нам что-то из Талмуда... – бывало, просили его белобородые старики.

И с трепетом и еле скрываемой радостью Шолом брал с полки толстенный том Талмуда, и, сев за стол с важным видом, начинал читать нараспев древний арамейский текст³⁸, а затем читал на древнееврейском классические комментарии к нему...

И светился от радости Иче, глядя на сына, который перед всей общиной читает Талмуд вслух, а затем переводит его на идиш и объясняет простым и далеким от учености евреям смысл трактата.

– О, какой у тебя сын, Иче! Какой сын! Талмид хохом³⁹! – раздавались доброжелательные возгласы со всех сторон.

Так шло время, пока как-то, совершенно случайно, Шолом не попал на одно революционное собрание молодых людей, проходившее невдалеке от Балты, но в корне изменившего его жизнь. Шолому было всего шестнадцать лет в это время. Он был глубоко верующим хасидским молодым человеком, уже с пробивающейся светлой бородкой и длинными, доходящими до скул, завитыми в жгут русыми пейсами. И вместе с тем он пришел на собрание революционно настроенной молодежи. В своем черном, длинном лапсердаке и шляпе.

Собрание проходило на идише и сразу захватило его сознание. Впервые он услышал такие фамилии, как Маркс, Энгельс, Либкнехт, Плеханов. Впервые кто-то сказал о том, что счастье не надо ждать, а за него нужно бороться самим. До прихода мессии можно и не дожить, а нужно вырвать свободу для себя и своих близких. И самое главное, помимо идей о всеобщей справедливости и равенстве, Шолом услышал о вооруженном сопротивлении погромам и творимому царским правительством антисемитскому беспределу.

Вскоре Шолом стал активным членом подпольной группы революционеров, назвавшей себя «Искра». И прошло совсем не так много времени перед тем, как он сам стал успешным оратором, начавшим часто выступать перед молодежью и вербовать её в свои ряды. Так, постепенно, Шолом отрезал свои вьющиеся пейсы, сбрил бородку и сменил еврейскую одежду на европейский костюм. И в последнюю очередь с его головы исчезла его большая черная бархатная ермолка.

Но атеистом Шолом не стал. Наоборот, он всегда говорил своим товарищам-революционерам и социалистам о своей глубокой и пламенной вере в Бога, напрочь отвергая как воинствующий атеизм, так и религиозный фанатизм. Любовь к отцу не позволила Шолому отказаться от веры отцов. И каждый раз, уже став социалистом и приходя домой к папе, он надевал ермолку и учил с ним Тору. И всегда сопровождал отца в синагогу на молитвы.

³⁸ Талмуд записан на арамейском языке, разговорном языке евреев Вавилона, между 3 и 5 веками н. э.

³⁹ Талмид хохом – ученик-мудрец или ученик мудреца (иврит). Классический термин, употребляемый в отношении грамотного и умеющего самостоятельно изучать священные иудейские тексты и Талмуд человека.

Как-то поздно вечером в одном из домов на окраине Балты шло собрание социалистов «Искры». Вдруг зашел разговор о Боге. Шолом был там, и он взял слово и попытался совместить веру в Бога с идеей социализма. Его, конечно же, освистали и высмеяли. К нему подошел грубого вида молодой парень, Идель-плотник, и крикнул:

– Что?! Ты веришь в Бога, Шварцбурд?

– Да, я верю в Б-га! – громко сказал Шолом.

– Да пошел ты к чёрту! – Идель плюнул ему в лицо.

Раздался хохот окружающих.

– Социалист не может верить в Бога! – закричали все.

– Может! Может верить в Б-га! – не останавливался Шолом. – Более того, все пророки верили в Б-га и были социалистами! Они жаждали справедливости для угнетенных!

Переубедить Шолома не мог никто, ни тогда, ни сейчас. Он верил в Б-га, трактовал Тору по-своему, и был уверен, что Б-г помогает именно социалистам, и именно поэтому они побеждают, так как их идеи самые справедливые.

Шолома не устраивало, что он не занимает лидирующего поста в революционной ячейке Балты. Вскоре, однако, Шолом нашел работу часовым мастером в селе Круты, которое находилось в тридцати километрах от Балты, куда он и переехал и где он стал главным агитатором среди местных социалистов. И хотя он еще ремонтировал часы казакам, он уже планировал воевать с погромщиками. Его сердце жаждало мщения. Шолом еще боялся выступать на больших собраниях, но по субботам он созывал своих соратников на тайные встречи, где говорил без конца о том светлом времени, когда люди всей земли освободятся и помогут Б-гу сделать справедливый мир. В Крутах он стал главой социалистической ячейки.

В начале 1905 года Шолом поехал в Одессу, откуда он должен был привезти революционные газеты и листовки. Проходя мимо усадьбы Трубецких, Шолом не удержался и решил прибить к их двери революционную листовку. Он так захотел дать щелчок этим зажавшимся аристократам! Но ему не повезло, и полиция накрыла всю его ячейку. Всех арестовали, но Шолому удалось лечь на дно и избежать ареста.

Прошло немного времени, и Шолом вновь услышал призывы к погромам по всей Новороссии.

Крики «Бей жидов!» заполнили собой воздух. Атмосфера неминуемого погрома царила повсюду. Такая же ситуация была и в Крутах.

Вечерело. Шолом возвращался домой, как вдруг его окрикнули пьяные мужские голоса.

– Эй ты, жид пархатый! А ну, подошел сюда! Тыловая сука!

Шолом резко обернулся. На углу улицы и трактира стояли трое подвыпивших солдат. Они были в форме, и Шолом сразу понял, что это были вернувшиеся с русско-японской войны солдафоны.

Один из них, высокий, с русыми волосами украинец, сплюнул на землю и крикнул:

– Сюда иди, жидовская твоя морда! Сейчас посмотрим, какие у тебя кишки!

Шолом мгновенно собрался и оглянулся по сторонам. Его взгляд упал на стоящую у чьего-то крыльца палку. Подобно пантере, Шолом прыгнул на это крыльцо, схватил палку, резко развернулся и стремглав побежал на солдат.

– Бей антисемитов! – заорал Шолом изо всех сил, и, подбежав к солдатне, начал бить их так сильно, как только мог. Он разбил лицо конопатому дылде, и тот рухнул на пол. Затем он зверски начал избивать двух других.

Мгновенно вокруг дерущихся образовалась толпа. Маленький, кучерявый еврей, с модными усиками, избивал солдат с невероятной силой, умением и жестокостью. То и дело он орал во все горло: «Бей антисемитов!»

– Братушки, наших бьют! Жиды бьют!!! Спасите! – кричали солдаты.

Откуда ни возьмись, появились еще двое солдат. Первого из них Шолом успел отправить в глубокий нокдаун, с размаху ударив его в челюсть. Но второй подкрался сзади и ударил Шолома по голове железной трубой. Геройский часовщик дернулся и упал на землю. Ударивший его солдат довольно хмыкнул и нагнулся над Шоломом. И в ту же секунду он получил неожиданный и страшный удар в нос. Молодой часовщик собрал последние силы, поднялся и набросился на мордатого солдата. Он оседлал его, усевшись на его грудь, и начал дубасить своими увесистыми кулаками по крепко скроенной морде.

– Это тебе за Балту, сволочь! – хрипел Шолом, нанося тяжелые удары. – А это тебе за Круты! А это за Одессу! И за Киев! И за Кишинев! И за Гомель! И за Проскуров! И за Сатанов! И за Лемберг! И за Гродно! За все тебе, зверюга поганая, за все! Получи!!!

И он бил его так, как бьют злейшего врага. Насмерть!

Его еле оттащили. Солдат потерял сознание и лежал весь в крови, с до неузнаваемости разбитым лицом. Остальные убежали.

Шолом еле встал на ноги. Голова его страшно болела, кулаки были разбиты, он был весь в пыли и грязи. На голове дыбом стояла копна непослушных грязных волос.

– Йидн⁴⁰! Йидн! Не бойтесь этих свиней! Бейте их везде, где найдете, и они будут убежать от вас! – хрипло крикнул Шолом в воздух.

Ошарашенные и пораженные евреи обступили своего героя. Они еще никогда такого не видели. Шолому помогли и бережно отвели его домой.

Неделю Шолом валялся с ужасной головной болью в постели, а товарищи по ячейке и свидетели его героической схватки с солдатами приносили ему подарки. Его маленькая комната, которую он снимал у хозяина, была вся заставлена едой, фруктами и напитками. В тот же день все узнали о его поступке. И реб Мотл, мясник, прислал ему лучшие виды колбас и мяса. Реб Морхе, хозяин молочной лавки, завалил его своими товарами. Участливые еврейские мамы и девушки приходили и приносили ему гостинцы. Бабушки отпаивали его домашним бульоном, и каждая, будто его родная бабушка Песя, приговаривала её же словами:

– Майн кинд! Вус хубн зей мит дир гетун? А йингале майне! А йидишн кинд! А гибойр! Золн фарбретен верн алэ сойним! Ди дарфст ойсхейлен... Дус из голдене юх! Эс йингале! Свет дир койхес гебн! Зол Гот дир бенчн! Хости унз алэмен фартайдикт кегн ди шкоцим!⁴¹

И они охали и ахали и причитали...

А Шолом пил золотой, наваристый куриный бульон и вздыхал от удовольствия. В перерывах, когда заботливые девушки, товарищи по ячейке и гости уходили, Шолом брал лежавший рядом с кроватью на тумбочке блокнот и записывал карандашом стихи. Писать он начал с раннего детства. Он писал о справедливости и добре, перемешивая идеи социализма и всеобщего равенства и братства с библейской тематикой. Библию он знал практически наизусть, всегда и везде, на все случаи жизни, находя в ней и утешение, и поддержку, и параллели с современными событиями.

Так прошла неделя, и наш герой пришел в себя. Шолом решил прийти в пятницу вечером на вечернюю молитву в синагогу, где собирались почти все местные евреи. Он даже надел свой лучший костюм, сшитый по австрийскому образцу, а на свои непослушные пышные волосы надел почти забытую черную бархатную ермолку. Взглянул на себя в зеркало и улыбнулся.

– Нет! Ермолка не чужая мне! Перестав соблюдать, я не отказался от Б-га! Я такой же хасид, как мой отец, хасид веры в справедливость, и такой же, как он, патриот своего народа!

Шолом дождался перерыва в молитве, воспользовавшись своей известностью, подошел к столу, с которого читают свиток Торы, и обратился к общине громким голосом:

⁴⁰ Йидн! – Евреи! (идиш).

⁴¹ Мой ребенок! Что они с тобой сделали? Мой мальчик! Еврейский ребенок! Герой! Что б они все сгорели! Кушай, мое дитятко! Тебе надо выздоравливать! Это золотой бульон! Кушай, мальчик! Он тебе придаст сил! Пусть тебя благословит Г-дь! Ты всех нас защитил от этих тварей! (идиш).

– Хорошей вам всем субботы! Большое спасибо всем, кто приходил ко мне и помогал мне, когда я выздоравливал! Мы все в ответе друг за друга! И ни один подлец не должен уйти безнаказанным, если он поднял руку на еврея! И если правительству нет до нас дела, то мы сами должны постоять за свою жизнь, здоровье, свободу и честь!

По залу прокатился рокот. Евреи не ожидали таких резких слов в адрес царя и правительства и испугались. Но Шолом не остановился на этом, а продолжил.

– Наши пророки всегда критиковали подлую и продажную власть! Они не пресмыкались перед фараонами и царями всех времен! Нет! Они честно и смело критиковали власть, защищая простой народ! Вдов, сирот, пришельцев, бедняков! Тех, кого некому защищать! Правительство диктатора Николая – антисемитское! Он враг нашего народа! Мы живем в ужасных условиях черты оседлости! Повсюду дискриминация и лишения! Нас не берут в большие города! Нам не дают учиться! Нас везде прижимают! Но это еще полбеды! Постоянно этот кровавый царь, член погромного общества, устраивает еврейские погромы или подстрекает к ним⁴²!

Шолом говорил, распаяясь все больше, цитируя пророков Амоса и Исаию и трактуя их слова в революционном, бунтарском стиле, бил кулаком по столу и сотрясал зал своим громким, взвинченным голосом. Наконец, он закончил свою речь, дочитал вечернюю молитву вместе со всеми и, накинув свое худенькое пальтишко, вышел на улицу. На улице стоял холодный октябрьский вечер. К нему подошел его знакомый, сапожник Ноах. Он похлопал его по плечу и осторожно сказал:

– Я услышал краем уха, что на тебя завтра же донесет староста синагоги. Они хотят, чтобы с властью все было ша штиль⁴³... Спрячься, Шоломке, спрячься, мой мальчик. Эти шакалы всегда будут лизать сапоги Эйсав⁴⁴...

Шолом поблагодарил Ноаха и сказал:

– «Моисей испугался и сказал: верно, узнали об этом деле».⁴⁵

– Считай, что уже узнали! Беги!

Шолом той же ночью убежал из Крут и вернулся в родную Балту. Сапожник оказался прав. Религиозные евреи донесли на Шолома, и его объявили в розыск.

Отдохнув два дня у отца, Шолом решил проведать своих друзей, которых он уже не видел несколько месяцев, с тех пор как он уехал из Балты. Каким же был его шок, когда он узнал, что из сорока его товарищей, собранных им для борьбы с погромами, почти никого не осталось в городе. Кто-то уплыл в Америку, кто-то сгинул в сибирской каторге, кто-то сидит в тюрьме, ожидая своего сурового приговора – «за нападения на мирных демонстрантов», – а кто-то уже погиб, защищаясь от погромщиков.

Шолом узнал все это от своего старого друга детства, Йоны. Ему он верил, как себе.

– Неприятная картина, Йона! Бойцов нет! И это перед самыми погромами! Что-то надо делать!

Рыжий Йона, с немного выпученными глазами, конопатым, изрядно покрытым веснушками лицом и огромными кривоватыми зубами, кивнул и сказал:

⁴² Шварцбург имеет в виду «Союз русского народа» (СРН). Это была массовая черносотенная монархическая организация, действовавшая в Российской империи с 1905 по 1917 гг. Программа и деятельность СРН базировались на монархических, шовинистических и антисемитских идеях, а также православном радикализме. 23.12.1905 (5.01) Император Николай II и Наследник престола Цесаревич Алексей Николаевич вступили в ряды СРН. Это произошло во время приема Императором делегации СРН, которую возглавлял председатель Союза А.И. Дубровин. Государь и Наследник приняли от него поднесенные им знаки членов Союза. Хотя в то время Наследник Алексей был еще младенцем, существуют свидетельства, что впоследствии он нередко носил знак члена СРН.

⁴³ Тихо-спокойно (идиш).

⁴⁴ Эйсав – еврейское имя Исава, брата Иакова. Так религиозные евреи называют все христианское население мира.

⁴⁵ Библия, Книга Исхода, 2:14.

– Шолом, дело швах⁴⁶! Но ты руководи, а я людей подтяну. Молодняк и стариков.

Шолом злобно закусил губу и произнес:

– Собирай всех, кого можешь! Нужны деньги, чтобы купить оружие! Собери ножи, топоры, цепи! Нужно успеть построить баррикады!

Йона не подвел. На него всегда можно положиться. Он собрал деньги, принес холодное оружие и привел людей. Шолом успел купить пять пистолетов и одну винтовку. Вечером того же дня при свете нескольких керосинок отец Шолома Иче инструктировал собравшихся у него дома добровольцев. Он передавал им свой военный опыт.

Пятидесятилетний еврей, с седеющей бородой и пейсами, в большой черной бархатной ермолке, рассказывал о том, как стрелять и пользоваться холодным оружием. Под конец Иче сказал:

– Завтра, в пятницу, 20 октября, около полудня будет погром. Сперва они пойдут процессией. Там много будет всякого вооруженного сброда. Одному еврею сообщил об этом знакомый полицейский. Так что мы должны быть готовы уже в восемь утра! Погромщики подойдут к нашей синагоге к двенадцати часам дня.

– А что наши лидеры общины себе думают? Раввин и богачи? Неужели они не в курсе? – спросил портной Нохем.

Шолом злобно скривил рот, нервно провел пальцами по своей непослушной копне волос и ответил:

– Они в курсе ситуации больше нашего! Они всегда знают о планирующихся погромах! Как будто это новость! Можно подумать, это совпадение, что всегда, когда у нас погромы, богачи Зиссер, Берг, Штейн, Курцер и Кальтман уезжают с семьями из города! Или будто мы не знаем, что о погромах им известно всегда заранее! За несколько дней! Раввин, как всегда, будет пытаться откупиться! Но ему далеко не всегда это удастся! Старый ребе Лейвик не понимает, что щедрые подношения бандюгам только все больше провоцируют их на погромы! Нужно защищаться с оружием в руках! И не иметь милосердия к этим вора, насильникам и убийцам! Не зря написано в святых книгах: «Убей его первым!»

Иче смотрел с нескрываемой гордостью и волнением на своего сына, который уже стал лидером и защитником евреев Балты.

⁴⁶ Дело плохо (идиш).

Интермедия. Погром

Всю ночь Шолом не спал. Как можно спать в ночь перед погромом? Он смазывал свой револьвер, проверял своих бойцов. Все они остались в доме Иче, а с рассветом, перекусив, отправились на свои позиции. Последним присоединился к ним отец Шолома. Он закончил утреннюю молитву, надел поверх ермолки картуз и, взяв винтовку в руки, пошел вслед за молодежью.

– Тряхнем стариной... Повоюем еще, Рибойной шел ойлом⁴⁷!

Всего бойцов было сорок пять человек. Погромщиков могло быть вчетверо больше. Времени никто не терял, и на пути шествия процессии отряд Шварцбурда соорудил плотные баррикады, с удобными прорезями для ведения стрельбы.

– Не высовывай голову из-за бревен, сынок! – учил Шолома отец. – Правда, среди погромщиков мало тех, кто умеет метко стрелять, но все бывает! В тот раз среди них был один солдат! Метко стрелял, зараза! Зацепил нескольких наших ребят. Но потом я его достал... Аккурат в сердце... – спокойно, с расстановкой говорил отец Шолома. Он, прищурившись, посмотрел вдаль, на дорогу и, никого там не увидев, достал из пачки папиросу и закурил.

– Я и ребятам говорю: цельтесь в туловище! Голова маленькая! Промажете! В грудь и в живот бейте! И минимум две пули засаживайте. И все! Сдохнет гадина!

К Иче подошел сапожник Шая и завистливо спросил:

– Какие куришь, Реб Иче?

– «Пушку».

– Ух, ты! Петербургские! Фабрики Миллера! Не то, что наша дрянь!

– Да. Сын мне привез из Одессы! Балует меня! На, угощайся. Какая разница, откуда они...

И Иче поделился папиросами с Шайей и еще несколькими ребятами. Бойцы обороны довольно задымили.

Шолом снял с головы картуз и провел пальцами по своей гриве волос. Он окинул взглядом своих бесстрашных бойцов и заметил, что среди всего отряда единственным религиозным человеком был его папа. Остальные не пришли. Они истово молились дома и в синагоге, ожидая чудесного спасения от Бога...

– Пап, как же так? – спросил он отца. – Почему верующие люди не пришли к нам? На что они надеются? Разве Моисей не воевал? Разве Давид не воевал? Разве все наши цари и пророки не воевали с врагами?

Иче печально опустил лицо. Ему было очень стыдно. Он вздохнул и ответил сыну:

– Ты знаешь что, Шолом? Ты не суди людей строго... Смотри на них, как на твоего брата, Шмулика... Он ведь тоже, даже если бы и был сейчас в Балте, а не в Одессе, не смог бы, скорее всего, быть здесь с нами, на баррикадах... Не все рождены воинами. Это раз. А два – это то, что не все имеют такую светлую голову, как ты. И не всем дано такое львиное бесстрашие, как у тебя. И не все люди одинаково созданы Б-гом. Не суди их. Но мы обязаны их защищать, потому что они наши... Хоть и дураки, но наши. Свои... Понимаешь? Их некому больше защитить! Ну, а мы должны. Мы воины. А они, как женщины... Они не трусы, нет! Если будет надо, они с радостью умрут за веру! Но они отвыкли воевать...

Шолом кивнул и внимательно посмотрел на отца. На его свежее лицо, изредка прорезанное то тут, то там редкими морщинами, на его седеющие волосы и почти седую бороду, и ему стало больно от быстротечности времени, проклятого времени, как песок убегающего в пропасть небытия и уносящего с собой любимых людей, любимые места, любимые события...

⁴⁷ Рибойной шел ойлом – Властелин мира (иврит).

Но углубиться в эти печальные мысли он уже не смог. Двери синагоги раскрылись нараспашку, и оттуда вышел старый седобородый Ребе, в черном лапсердаке и шляпе, несший на руках большой свиток Торы. Вслед за ним с другими свитками Торы брели его помощники: кантор⁴⁸ и служки. А за ними брели остальные молящиеся. Они шли медленно и нараспев исполняли псалмы Давида, в которых псалмопевец умолял Бога даровать ему спасение.

Увидев такое дело, Иче подбежал к Ребе и сказал:

– Мир Вам, Ребе! Что Вы делаете?! Они же вас всех не пощадят. Будет погром! Он утвержден на самом верху! Умоляю Вас, вернитесь и верните людей назад! Пусть немедленно спрячутся! Мы знаем от нашего человека в полиции, что прольется кровь. Не ведите на смерть людей!

Ребе печально посмотрел на Иче и ответил ему:

– Я знаю, Иче... Они хотят нашей крови. Но у твоих героев нет сил, чтобы их остановить. Их будет слишком много. Поэтому, я хочу поступить, как Иаков, прийти и поклониться Исаву, и дать им дары... Может быть, Б-г нам поможет?

Иче лишь развел руками. А затем сказал:

– Ребе, богачи Вам оставили для этого деньги?

Ребе кивнул и ответил:

– 1000 рублей. Это большая сумма! Я хочу попробовать их подкупить. В конце концов, этим бандитам важнее всего водка и деньги... Я никогда еще не видел среди них идейных погромщиков... Пограбить – да... Насилие их прельщает... Но, Иче, кто знает? Вас же тоже сметут!

Иче сжал свою бороду в кулак и сказал:

– Лучше умереть с оружием в руках!

– В тебе живет дух маккавеев⁴⁹, Иче! Пусть Б-г хранит тебя! Я же мечтаю умереть со свитком Торы в руках! Но твой меч и моя Тора одинаково святы... Я бы очень хотел увидеть тебя сегодня вечером в синагоге, на вечерней молитве, но если этому не суждено будет произойти, то мы свидимся на небесах! Зай гезунд⁵⁰, Иче...

И Ребе запел псалом дальше. Шедшие за ним тридцать религиозных евреев подхватили его напев...

– Безумцы! Какие же они безумцы, пап! – крикнул Шолом и от злости бросил свою кепку на землю.

Иче кивнул обреченно.

А тем временем процессия во главе с Ребе ушла уже далеко вперед. Шолом крепко держал в руках винтовку и внимательно следил за удаляющейся фигурой Ребе.

Вдруг из-за поворота показались первые конные казаки, за которыми следом с хоругвями в руках шли пешие демонстранты. Как только передние казаки увидели Ребе и евреев, они взмахнули руками, и процессия черносотенцев⁵¹ грянула «Боже, Царя храни!». Сотни голосов подхватили гимн Российской империи и дружно и раскатисто запели его:

«Боже, Царя храни!
Сильный, державный,

⁴⁸ Кантор – певчий в синагоге.

⁴⁹ Маккавеи (иврит) – «молот» (на врагов) – первоначально прозвище Иуды из династии Хасмонеев, возглавившего восстание против ига сирийских греков в Иудее в 166–160 гг. до н. э. Позднее стало применяться ко всем защитникам иудейской веры во время гонений императора Антиоха Епифана. Маккавеи – герои еврейского праздника Хануки, празднуемого в честь победы над греками, заставлявшими евреев насильно сменить свою веру на эллинизм. Многие из них погибли в войне с оккупантами.

⁵⁰ Будь здоров! (идиш).

⁵¹ Черносотенцы – название представителей крайне правых организаций в России в 1905–1917 годах, выступавших под лозунгами самодержавия, православия и радикального антисемитизма. Виновны в многочисленных еврейских погромах.

Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!»

Ребе остановился, обернулся с Торой на руках на своих людей и запел вместе с ними «Боже, Царя храни!». Прямо за раввином стоял с важным лицом пожилой моэль⁵², реб Шимале, обрезавший не одно поколение местных мужчин. В руках он держал большой и к этому случаю очищенный от пыли портрет государя императора. В какую-то минуту и казаки, и погромщики, и раввин, и евреи из синагоги – все вместе в одном порыве пели гимн своему государю. Но затем случилось непоправимое. Один из казаков вытащил свою саблю из ножен и дико закричал:

– Бей жидов, спасай Россию! Смерть врагам Христовым!

Казак направил коня галопом прямо на Ребе. Старый раввин крепко держал Тору и попытался было о чем-то заговорить с казаком, но не успел, так как тот снес его голову с плеч.

Страшно было видеть, как отвалилась голова старого раввина и упала на грязную землю. Из его шеи фонтаном брызнули потоки крови. Тело раввина, уже без головы, сделало еще несколько шагов вперед, не выпуская Тору, а затем медленно упало на землю. К нему подбежал кантор, Эли. Он склонился над раввином и захотел было взять Тору из его рук, но к нему уже подъехали казаки. Казалось, время остановилось и все застыли в шоке.

– Огонь! – скомандовал изо всей мочи Иче Шварцбурд и сделал свой первый точный выстрел в грудь убийцы раввина.

Пуля вышибла казака из седла, и он повис на лошади вниз головой.

Вслед за этим первым выстрелом последовали другие. Еврейские защитники открыли беспорядочный винтовочный огонь по запорожским казакам и погромщикам. Эли схватил Тору и голову Ребе и побежал что было сил к баррикадам.

– Бегите назад! – заорал еврейской процессии Шолом.

– Назад, к нам! Скорее!

Религиозные прихожане врассыпную побежали на голос Шолома. Но было поздно. Конные погромщики уже нагнали их и начали рубить шашками. Сквозь жуткие, нечеловеческие крики боли и обрывки молитв слышалось одно и то же – страшное хриплое рычание: «Бей жидов!»

Вся процессия была изрублена, несмотря на то, что огнем защитников были убиты и несколько конных казаков. Каким-то чудом Эли прибежал невредимым к баррикадам и передал Шолому в руки Тору, а голову раввина аккуратно положил на свой пиджак.

– Перезаряжайте быстрее! Они сейчас пойдут на нас! – кричал Иче изо всех сил.

И действительно, армия погромщиков опомнилась, а из-за угла улицы подошла толпа новых бандитов.

– Вперед, хлопцы! Бей жидов! Урааа! – скомандовал им важный усатый конник.

И погромщики побежали вперед на баррикады.

Шолом передернул затвор своей винтовки, нашел цель – мордатого, с брюхом, украинского бандюгана, несшегося вперед с топором, – и сделал выстрел в область сердца, как и учил его отец.

Бандит, отброшенный пулей, упал навзничь и больше не двигался.

– Бегите по домам! Бейте и жгите! Вперед, вперед! – орала казаки.

⁵² Моэль (иврит) – специалист, профессионально делающий обрезание крайней плоти всем еврейских мальчикам на восьмой день, в соответствии с библейской заповедью, Бытие 17:10–14.

Огонь остановил погромщиков, и они, прячась за домами и деревьями, начали отстреливаться. Началась перестрелка.

Шолом ради отца старался сильно не высовываться из-за уродливых бревен баррикад. Ему это давалось нелегко. Он нашел довольно большой зазор между бревнами и прочим мусором и начал целиться в здорового запорожского казака. Тот стоял в сорока метрах, у тополя, и медленно заряжал свою винтовку. Шолом четко увидел своими зоркими глазами его потное бритое лицо, черные жесткие усы и дымящуюся папироску во рту. Казаку было под сорок лет.

– Опытная свинья... – пробормотал про себя Шолом под грохот выстрелов.

Он начал медленно целиться в периодически вылезающего из-за дерева казака. То и дело виднелась его гимнастерка, человек вылезал на мгновение и сразу прятался за толстым стволом дерева.

– Сейчас вылезешь, холера... – бормотал Шолом.

В этот миг исчезло все. Мир замер. Он ждал свою жертву, как лев, ожидающий антилопу. Казак же зарядил винтовку и выстрелил в направлении баррикад. И снова спрятался за дерево.

А Шолом, в напряжении уставившись на мушку своей винтовки, бормотал про себя библейскую цитату:

– «А Ииуй натянул лук рукою своею, и поразил Иорама между плечами его, и прошла стрела чрез сердце его, и пал он...»⁵³

Усатый казак снова высунулся из-за дерева и начал целиться в кого-то. В этот момент Шолом выстрелил. Казак рухнул на землю, как подкошенный. Шолом обрадовано закивал головой и крикнул:

– Готов! Продолжаем разговор.

И снова он начал выискивать себе цель. Перестрелка длилась час. Отряд Шолома потерял семерых человек убитыми и пятерых ранеными. Это было очень много для такого маленького отряда. Но и наступавшие получили тяжелый удар.

К Шолому подошел его отец Иче и сказал:

– Скоро они могут подвести подкрепление. Если это будет конница, то нас сметут в пух и прах.

– Что делать, папа?!

– Что делать, сыночка? Надо думать. Еврей всегда должен думать... Слушай папу... Беги к Берке Кофману!

– К этому поганому бандиту?

– Шоломке, если нужен вор, его достают из петли!

– Хорошо, папа.

– Иди к нему. И скажи так: Иче Шварцбурд в ноги кланяется, просит пулемет «максим».

– Папа, ты гений! Но в ноги зачем?! Этой скотине, главному бандиту окрестностей и держателю воров и притонов?

Иче докурил папиросу и выкинул её.

– Шолом, не будь правым, будь умным. Есть время гордости, а есть время встать на колени... Иди, и возвращайся с пулеметом. Возьми кого-нибудь из ребят. А мы тут будем вас ждать.

Шолом закивал, и, взяв с собой своего приятеля детства Велвела, побежал что было мочи к Берке Кофману. Берке жил в пятнадцати минутах ходьбы от места боя, в богатом двухэтажном доме. К счастью, главный бандит города никуда не уехал. Шолом, поборов гордость, в точности повторил слова отца, сказав, что Иче Шварцбурд, в ноги кланяется, и просит пулемет «максим».

⁵³ Библия, 4-я Царств, 9:24.

Толстый, омерзительного вида Берке, похожий внешне на кабана, подошел к Шолому вплотную и спросил его:

– Меня не тронут. Я не при делах. Погром касается обычных людей. А я что? Я был до него, и буду после. Дай мне резон, мальчик, давать тебе пулемет! Один резон. И я его тебе дам. Жду.

Шолом так хотел разбить морду этого подонка, но он не мог этого сделать. Берке охраняли его бандиты. И Шолом, наступив на горло своей природной гордости, бесстрашию, сказал:

– Я не религиозен, но я верю в Б-га. А вдруг Он есть! А вдруг потом с нас спросят. Зададут там один вопрос: «А за всю твою жизнь что ты сделал, чем можешь гордиться?» Один поступок! Всего один. Дай его, и будешь прощен за все! И если Вы, Берке, дадите нам пулемет, для защиты нашего народа, моего и Вашего, для защиты наших людей от убийц и насильников, то Б-г, если Он есть, Он простит Вам все. Он отблагодарит Вас. Да, это игра. Может, Его и нет для Вас. Но Вы же игрок. А ставка, где есть пятидесятипроцентная вероятность сорвать куш, того стоит! Тем более при таком мизерном вкладе!

Берке пристально смотрел на Шолома своими маленькими хитрыми глазами.

– Говоришь как Ребе, Шоломке. И как маклер. Маклер Господа Бога, в которого я не особо верю... Но знаешь что... Ты убедил меня.

Берке повернулся к своему долговязому бандиту и крикнул:

– Эй ты, быстро в подвал. Принеси «максим». И дай ленты с патронами под завязку. Шнырь, помоги отнесли.

Затем Берке повернулся к Шолому и сказал:

– Я много делал в своей жизни разных дел. Оставь Бога. У меня с Ним дел нет. Но ты прав в одном. Сегодня убьют вас. А завтра меня. За сегодня мне стыдно не будет. Папе привет. Он там, наверное, воюет, солдат всегда солдат. И еще. Я дам тебе тридцать человек, моих ребят. Они вооружены и любят пострелять... Возьми их и командуй так, как будто это твои солдаты. А я еще потом вам харчи притащу. Бейте гадов! Посмотрим, получится ли у них погром в Балте... Что-то я в этом сомневаюсь!

Вскоре Шолом уже вернулся с Беркиным отрядом головорезов. К своей боли, он узнал, что за короткое время его отсутствия погибли еще три парня. Их истекающие кровью тела лежали на земле у баррикад. Шолом взгляделся в лежащего рядом портного и увидел улыбку счастья на его бледном, бородатом лице.

– Он счастлив, что погиб как солдат, а не как жертва погрома! – прошептал про себя Шолом.

Иче подошел, пригибаясь к сыну, и сказал:

– Молодец. Видишь, папа знает, что говорит. Тебе было нелегко меня послушать, Шоломке. Я это знаю. Я это чувствую. Но мудрость в том, чтобы иногда закрыть свой язык. И Г-дь, в Своей бесконечной мудрости, дал нам для этого два замка: зубы и губы.

И Иче засмеялся.

– Как вы тут, пап?

– Мы воюем. А это уже важно. Овец, идущих на бойню, нет. А если мы и погибаем, то уходим вместе с падалью, которая напротив.

Иче подмигнул сыну, и пошел показывать вору Семке, куда поставить пулемет.

Шолом вовремя вернулся с «максимом». Погромщики подвели подкрепление, а также несколько десятков конных казаков, и решили смести эти проклятые стреляющие жидовские баррикады, к которым они совершенно не были готовы.

Иче спокойно давал указания бандитам, где встать и куда стрелять. Пулемет установили так, что его совершенно не было видно.

– Его длинный нос такой же, как и мой. А нос не надо высовывать. Преподнесем свиньям подарок... – говорил Иче своим бойцам.

Шолом взял винтовку одного из погибших бойцов и, зарядив её, расположился поудобнее в ожидании волны наступающих.

На другой стороне толстый усач скомандовал:

– Хлопцы! Смерть врагам! Смерть Иудам проклятым! Смерть врагам веры Христовой! Бей жидов!

Толпа воодушевленно захрипела, заорала, подхватила призыв и понеслась вперед. В основном пешие, бедно одетые, с опухшими от водки мордами, кто с топором, кто с молотком, кто с ножом, они шли на баррикады. Хорошо вооружены были лишь казаки, одетые в черные кафтаны с галунами.

Иче приказал не стрелять и подпустить толпу как можно ближе. Это было сложно, но баррикады замолчали. Это воодушевило полупьяных погромщиков, и они, решив, что «жиды побегли ховаться», ускорили шаг.

За «максимом» сидел конопатый Витёк, которого папа с мамой называли Авигдором, но у бандитов пошла мода на более короткие имена. Витёк был грабителем, и даже среди защитников города были его жертвы. Он отнимал кошельки и ценности.

– Стреляй хорошо, газлан⁵⁴! А то мы тебя тут кончим, звереныш! Год назад обобрал меня до нитки! Ну, да ладно. Сегодня ты с нами, – комментировал, стоявший рядом столяр Менахем Мендл.

Иче наклонился к Витьку и спросил:

– Авигдор, пулемет американский или английский?

Витёк недовольно сморщил лицо и ответил:

– Какой там! Наш! Тульского завода! С мая уже их там делают. 1000 рублей все удовольствие, если официально. А так, хорошим людям совершенно бесплатно отдают, с улыбкой и пожеланием: цу зан гезынд, штарк ин мацлиях⁵⁵!

Когда защитников Балты разделяли от погромщиков уже каких-то тридцать шагов, Иче резко скомандовал:

– Огонь! Из всех стволов! Огонь!!!

Витёк аккуратно потянул за ручку, и пулемет забил, выбрасывая в левую сторону 7,62-миллиметровые винтовочные патроны Мосина.

Погромщики начала падать как подкошенные. А Ви-тёк грамотно и плавно водил стволом пулемета вправо и влево, выкашивая их ряды. Первыми он снял приблизившихся конных казаков вместе с лошадьми. Десятки человек остались лежать там, где их настигли пулеметные пули. Остальные разбежались врассыпную.

Ликование и радостные крики потрясли воздух. Впервые за всю историю Балты местные жители смогли достойно отбить погром. Раньше всё кончалось иначе...

Однако Иче не спешил радоваться.

– Не думайте, что они ушли навсегда. Они скоро вернуться.

Но его пророческий голос никто не услышал среди опьяненных победой молодых бойцов.

– Как же ты их косил, Витёк! Bravo!

А Витёк хохмил и говорил:

– Вырос я евреем, не имел возможности косить траву... Приходится косить погромщиков из «максима»!

Все счастливо смеялись и обнимались.

⁵⁴ Газлан (иврит) – бандит.

⁵⁵ Будьте здоровы, крепки и успешны! (идиш)

– Иче! Тебя зовет жена. Говорит, ей плохо. Сходи к ней. А мы тут постоим. Уходить пока некуда... – сказал сосед Гирш.

Иче недовольно скривил рот и ответил:

– Ладно. Отойду ненадолго. Шолом, ты за главного. Скоро буду.

Пока Иче быстро навестил свою перепуганную жену, на баррикадах случилась беда. Погромщики, во главе которых ехали конные казаки, ударили в спину оборонявшимся и смели их. Погиб на месте пулеметчик Ви-тёк. Замолчал краса и гордость защитников – пулемет «максим». Началась жуткая бойня. Сквозь мат и крики, стрельбу и остервенелое сопротивление сторон, казалось, что время остановилось. Шолом стащил с седла здорового казака и вцепился в него на земле.

– Ах ты жидовское отродье! – хрипел тот.

– Убью! Мерзость! – орал в ответ Шолом на идише, пока они оба катались по пыльной земле, душа друга друга.

Но казак оказался сильнее и мощнее маленького Шолома. Он навалился на тщедушного часовщика и начал медленно сжимать его горло. Поганые лапы погромщика. Его мундир, блестящие пуговицы, погоны. Потная морда. Усы. Чуб. Шолом осознал, что он погибает, хоть и за правое дело. Вдруг казак дернулся и отпустил руки. А мигом позже он повалился мертвый на землю. За ним стоял с окровавленным ножом в руке отец Шолома.

– Папа... – прошептал Шолом.

Отец подбежал к сыну и помог ему встать на ноги. Они обнялись. Рядом с ними остановился знакомый украинец, Иван, с радостью громивший своих соседей:

– Прокляті жиди! Козачого отамана вбили! Ну, Шолом, не зноси ти тобі голови!

Однако Иван решил не задерживаться и быстро убежал, дабы не последовать вслед за атаманом.

Вокруг шел яростный бой, причем на этот раз погромщики нападали и спереди, и сзади. Иче снова послал людей к главному бандиту. На этот раз глава воров явился собственной персоной со всеми своими людьми. Уголовники и воры навалились на погромщиков, паля из пистолетов и не жалея никого. Первым делом перестреляли всех лошадей, добив с особой жестокостью всех казаков. Затем принялись за пьяниц и гольтьбу. Волна громил отступила и разбежалась, отойдя в дальние улочки и начав громить мирных жителей.

– Иче! Тебе мой шолом алейхем! У нас как в одесском театре! Представление из двух актов с антрактом! Ты начал и ушел, а мне играть второй акт. Я прав или нет? – спросил обер-бандит.

В окровавленной рубахе Иче подошел к ворами и тепло пожал руку каждому из них, особо отблагодарив главаря.

Толстый хозяин банды обратился к отцу Шолома:

– Послушай меня, Иче! Я имею шо сказать за это дело. Вы, конечно, все тут brave аиды⁵⁶, но не тешьте себя иллюзиями. Вы и мы не победили. И не можем победить. Тем более шо от моего тульского пулемета остался только аш ин порох⁵⁷. Скоро они вернутся и разнесут Балту к чертовой матери. Мой план такой. Ставим у входа в город ребят с винтовками. И уводим всех, кто может идти. Уводим семьи и киндерлах⁵⁸. Они тоже не фраера. Погромают, пожгут и уйдут. Много трупов и им не надо. Тут и так цурес⁵⁹...

⁵⁶ Аиды – евреи (идиш).

⁵⁷ Аш ин порох – Пепел и прах (идиш).

⁵⁸ Киндерлах – детишки (идиш).

⁵⁹ Цурес – несчастье (идиш).

Иче согласился. И, пока погромщики готовили новый приступ, ополченцы и воры эвакуировали всех, кого смогли, в ближайшие села. Погромщики вернулись в город и начали грабить и жечь. Балта горела, утопая в черных клубах дыма...

Шолом смотрел на свой горевший город издалека. Рядом с ним стоял его отец. А позади них стояли многие другие мужчины и женщины и с печалью смотрели на это ужасающее пожарное, из которого то и дело доносились крики боли и стоны.

– Папа! Что же это? Так мы встречаем святую субботу?! Ты видел, как сильно наши евреи верили в Б-га?! Они так ждали Его помощи! Они до конца, как наш покойный Ребе, верили в чудесное спасение! Их вера в божественное спасение не имела границ! Они готовились к встрече субботы! Женщины накрывали столы белыми скатертями! Девочки ставили на стол серебряные подсвечники и праздничную посуду! Мужчины сидели над недельной главой Торы! Б-г поможет! Б-г не оставит! Но где же Он, папа?!

– Б-г послал нас, Шолом! Б-г сказал нам, что нельзя полагаться на чудо⁶⁰. И мы не полагались на чудо свыше! Мы сами это чудо совершили! Понимаешь?

– А как же открытые чудеса, папа?! Раньше Он рассекал море перед нашими предками! Воевал за них! И посылал им чудеса день и ночь!

– Сын мой, хорошие вопросы ты задаешь! Написано же у нас в Талмуде: «Не скромный учится!»⁶¹ Ответ на твой вопрос также дали нам наши великие пророки и сказали: «С того дня, как разрушили римляне иерусалимский Храм, закончилась эра открытых чудес в Израиле»⁶².

Шолом тяжело вздохнул и сказал:

– Я верю в Бога, папа! Верю! Но я обижен на Него! Он недостаточно помогает нам!

Иче тяжело вздохнул.

– Ты обижен на Б-га, а Б-г обижен на нас... Наши беды, сыночка, не сегодня начались. Наши предки тоже вели себя нехорошо...

– Так то ж предки, пап! Не мы!

– Шолом, если предки омерзительно себя вели, то и с их детьми не шибко потом хочется общаться! Ладно, пойдем...

Балта долго еще пылала. Погромщики вышли из города, окончательно разграбив еврейские дома и лавки, только с наступлением темноты...

Погромщики ушли так же внезапно, как и пришли... Все понимали, что при всей видимости спонтанности этого ужасного погрома, как и прочих погромов по всей империи, за всеми ними стояла хорошо скрываемая рука того, кто их тщательно спланировал и организовал. Механизм работал четко, и директивы о воплощении этих кровавых замыслов медленно спускались вниз, приходя в дорогих конвертах с особой, секретной почтой, в маленькие и средние городки черты оседлости, где жил этот упрямый народ, так и не желавший отказаться от своей ветхозаветной веры, принять христианство и раствориться в других народах...

Дом Иче Шварцбурда разбили, но не подожгли. Уже вскоре все было почти как прежде. Разбитые стекла шкафов и зеркала не в счет... Правда, и их уже успели заказать в Одессе. После погрома прошло несколько дней.

Все домочадцы мирно спали, когда вдруг в три часа ночи кто-то резко постучал в дверь дома Иче. Стук был напористый и упрямый.

– Отворяй ворота, хозяин! – крикнули по-русски снизу.

Хозяин медленно спускался со свечой в руке, скрипя деревянными ступеньками.

– Кто там? – спросил Иче.

– Полицейский сыск!

⁶⁰ Вавилонский Талмуд, трактат Псахим 64б.

⁶¹ Мишна, трактат Авот 2:5.

⁶² Эти слова основаны на Мишне, трактате Авот 5:5.

Иче открыл дверь, гремя засовом. Перед ним стояли незнакомый полицейский офицер и Иван Терентьич Романов, местный глава полиции. Позади них маячили вооруженные полицейские из местного околотка.

– Я не понимаю, почему Вы разбудили меня и на каком основании пришли ко мне? Я человек законопослушный. Меня все знают. Что все это означает? – спросил Иче.

Иван Терентьич, полноватый усатый добряк, виновато пожал плечами и сказал:

– Иче! Ты не серчай! К тебе у господина следователя из Киева претензий нет... Пока, по крайней мере. А пришли мы арестовать твоего сына... Может, оно и обойдется...

Следователь резко прервал Романова и сказал:

– Мы ищем Шварцбурда Шолома. Он сейчас дома?

Иче зло кивнул.

– Тогда в сторону! У нас приказ его арестовать и препроводить до тюрьмы предварительного заключения.

Иче закрыл своим сильным и грузным телом проход в дверь. Огромная полуседая борода спадала на его белую ночную рубашку. Он выглядел, как разгневанный библейский пророк.

– Ваше благородие! Попрошу Вас уважительно общаться с ветераном русско-турецкой войны, имеющим заслуги перед Отечеством и отмеченным орденами и медалями за храбрость в боях.

Следователь опешил и застыл на месте. А Иче продолжил:

– Спеха нет. Шолом спит. Успеете его забрать. А мне как отцу можно и сказать, хотя б за былые заслуги, в чем его обвиняют и за что сажают в тюрьму?!

Иван Терентьич присел на деревянную перекладину перил и закурил папиросу.

А киевский следователь сказал:

– Имеете право, господин Шварцбард, знать! Конечно!

Иче поднес свечу к бритому лицу полицейского чина и процедил:

– Моя фамилия Шварцбурд. А не Шварцбард. Мы не немцы.

– И тем не менее! Ваш сын обвиняется в убийстве казачьего атамана Тараса Коваленко. А также в организации печати в Волочинске революционной литературы. Он призывает к стачкам и борьбе с властями. Нам даже известна его подпольная кличка – Набат! Также он обвиняется в нелегальном хранении и распространении оружия! И многие свидетельствуют против него!

Иче одолжил папироску у Романова и, закурив, ответил:

– На десять лет сибирской каторги накопили ложных обвинений... А погром как же? А погром? Атаман ваш убийца и вор был! Предводитель погрома! Это Вы будете расследовать?!

Следователь потупил лицо и ответил:

– Причины и детали той страшной трагедии, которую Вы называете погромом, расследует другой следователь, в которой жертвы кстати были, с обеих сторон. И евреи, между прочим, тоже убивали казаков. И следствию еще предстоит выяснить кто на самом деле зачинщик, и кто на кого напал.

Иче лишь рассмеялся в ответ.

Через полчаса Шолома уже вывели на улицу и, завязав ему руки, посадили в карету арестантов.

Так Шолом был брошен за решетку. Он был обвинен в преступном нападении на казачьего атамана при исполнении, который якобы пытался прекратить беспорядки. Шолом впервые узнал, что такое холодная, грязная камера, кишашая крысами, тараканами и клопами. Днем в камере было ужасно душно и жарко, а ночью невозможно было спать от страшного холода. Дьявольское изобретение! Шолом изнывал от скуки, и так проходили долгие дни, недели и месяцы.

В один из холодных осенних дней он лежал на сделанной из нескольких сколоченных вместе досок кровати и засыпал под тонким, штопанным пледом, переданным отцом за взятку.

В эту холодную, промозглую ночь Шолому приснился дивный сон. Во сне он увидел своего любимого пророка Исаию.

Пророк Исаия шел знойным днем по мощеной улице Иерусалима, и лицо его светилось добротой и святостью. В этот день Исаии исполнилось ровно сто двадцать лет, как в свое время Моисею. Однако ни старым, ни немощным он не был, и на вид ему невозможно было дать больше шестидесяти лет.

Полуденная жара была невыносимой. Небо – безоблачным и голубым. Пророк шел безмятежно, улыбаясь прохожим. Он вышел к рыночной площади, прошел к центру и встал на большом камне. Обведя глазами снующую и торгующуюся толпу, он зычно произнес:

– Так сказал Г-дь мне! Скажи сыновьям Моим, доколе будете вести вы себя не как сыны Г-да, а как сыны истуканов?! Почему вы не помогаете вдове, сироте, бедняку и пришельцу?! Делаете вид, что не слышите стоны голодного и униженного! Только самообогащение у вас на уме! Несправедливо, что у богача слишком много, а у бедняка и самого необходимого нет! Почему не делитесь с бедными? На каком основании вы не создаете справедливое общество?!

Люди встали вокруг него плотным кольцом и с жадой начали внимать его словам. Исаия же продолжал:

– Не хотел Г-дь давать вам царя, но вы хотели быть как все остальные народы, и согласился Г-дь. И было большинство царей наших злодеями! Не хотели вы жить в обществе справедливом, в котором лишь Г-дь царь, а не смертный человек!

Вдруг пророка окружили солдаты.

– Пророк Исаия! Ты арестован! Тебя велено доставить в царский дворец незамедлительно! Царь Менассия лично приказал взять тебя под стражу!

– Мой внук?! Мой внук Менассия приказал меня арестовать?

Пророк печально улыбнулся и последовал за вооруженными конвоем. Его вели бодрые и абсолютно безразличные к его судьбе солдаты. Они шли, позвякивая своими мечами и щитами, изнывая от жары в тяжелых доспехах. Пораженные иерусалимцы не могли поверить своим глазам! Царская стража арестовала самого пророка Исаию! Но святой провидец успокаивал людей своей доброй улыбкой, спокойной уверенностью искрящихся глаз и периодическими кивками толпе.

– Не давать знаков черни! – хрипло прорычал командир отряда.

– Это не чернь! Это народ мой! – резко ответил пророк, и тут же получил удар древком копья в спину.

Исаия упал на дорогу. На бежевые, теплые камни, которыми был выложен весь святой город.

– Встать! – гаркнул офицер.

Исаия поднялся на ноги и поплелся, окруженный солдатами дальше. Через полчаса они подошли к дворцу царя. Многочисленные ряды охраны остались позади, и пророка ввели в большой зал, освещенный зажженными светильниками.

На поражающем великолепии троне, выполненном из слоновой кости и принадлежавшем еще самому царю Соломону, восседал внук пророка Исаии, тридцатилетний царь Менассия. К трону вели многочисленные ступени, а внизу, справа и слева от него, стояли, раскрыв пасти, страшные львы. Под правым подлокотником трона была скрыта тайная кнопка, одно нажатие которой приводило львов в действие, и люди падали в обморок, видя, как статуи оживают, а затем говорили правду и во всем сознавались. Гениальная египетская работа. Подарок фараона Соломону в день свадьбы с его дочерью, египетской принцессой... Справа и слева от трона сидели судьи, первосвященник иерусалимского храма Иосиф бен Кисма и многочисленные знатоки священного писания.

– Внук мой! Что это значит? На каком основании твои люди арестовали меня?! – возмущенно спросил пророк, поднимая свои не по годам зоркие глаза наверх, к сидящему на троне внуку.

Царь Менассия стиснул зубы, недовольно и зло поджал губы и, медленно проведя рукой по своей черной, вьющейся бороде, слегка подстриженной только по краям, произнес:

– Обращение к царю, помазаннику Божьему, потомку царя Давида, по праву сидящему на престоле своем, должно начинаться всегда со слов: «Да здравствует царь!» Так того требует древний и святой обычай! Исключения из этого обычая мне неведомы. Сознательное же пренебрежение им подрывает уважение к самой царской власти в Иудее!

Исаия горько усмехнулся и сел на пол, положив свой посох рядом с ногами. К пророку подбежал первосвященник и злобно-заискивающим тоном пискнул:

– Встать, когда разговариваешь с царем Иудей! Как ты смеешь сидеть на полу перед нашим владыкой, не получив на то разрешение?! Какое преступное неуважение к трону!

Исаия даже не глянул в его сторону. А царь Менассия вдруг вспомнил, как когда-то, давным-давно, в детстве, дед гулял с ним по лесу и учил его священному писанию, а когда они уставали, то он, так же как сейчас, садился на траву и клал рядом со своими вечно истоптанными сандалиями старый посох. И в эту секунду его сердце переполнилось жалостью к деду, и он так сильно захотел его отпустить и дать охрану из солдат, и отослать его далеко-далеко отсюда, из этого жестокого, буквоедского города, где столько многие влиятельные люди желали его казнить.

– Иерусалим, казнящий своих пророков, скоро и ты будешь казнен вавилонским мечом за все преступления твои! – выкрикнул пророк.

Менассия взял себя в руки и удалил жалость к деду из своего сердца.

– Мои стражники и люди первосвященника докладывают, что ты, дед, критиковал власть и хулил священный закон Моисеев, тем самым подняв руку на самое святое, что у нас есть! А справедливость не знает милосердия и родства!

Царь кашлянул и спросил Исаию:

– Скажи мне, признаешь ли ты закон Моисеев, который мы называем Торой?

Исаия кивнул.

– А признаешь ли ты Моисея величайшим пророком, который когда-либо жил на земле?

Исаия опять кивнул.

– Но вот сказал Г-дь Б-г наш, устами Моисея, учителя нашего: «Ибо не может человек увидеть Меня и остаться в живых». Это записано в книге Исхода. В главе 33, в 20-м стихе. А ты противоречишь ему! Ты сказал: «Я видел Г-да, сидящего на троне, высоко». Это записано в книге твоих пророчеств, в 6-й главе. Как же ты это объяснишь? Ведь здесь противоречие и оскорбление веры! А оскорбление веры карается смертью!!!

Менассия безумно огляделся по сторонам и продолжил:

– И власть царскую ты в толпе хулил! И к переменам взывал! Как смел ты это делать?!

– Не хочу тебе отвечать! Ты глуп, внук мой. Тебе суждено меня убить в любом случае. Так убей уже меня по неведению! Хотя бы это будет убийство по ошибке, а не преднамеренное!

Менассия вскочил с трона и сбегал вниз. Он выхватил копье у стоявшего рядом солдата и воткнул его в рот своему деду.

– Умри же, проклятый злодей, возомнивший себя более святым, чем Моисей! Умри за твой поганый и лживый язык, столько раз напрасно очернявший народ наш!

Пророк упал на пол, и его кровь залила подножие царского трона⁶³...

Шолом закричал и проснулся. Его сердце бешено колотилось, а в голове застряла одна мысль:

⁶³ Основано на предании о гибели пророка Исаии из Вавилонского Талмуда. Трактат Иевамот, 49б.

– Все пророки умирали в борьбе за справедливость и благополучие бедняков!
Он открыл глаза и увидел большого паука висевшего высоко над ним. Он тяжело вздохнул и, повернувшись на другой бок, снова заснул.

Сцена 5

С большими сложностями, переодетые в гражданскую одежду, Виктор Слуцкий, Павел Блинов и Роман Козьярский наконец-то прибыли в Екатеринодар. Город выглядел, как и положено прифронтовому городу. Везде, куда ни падал их взгляд, виднелись только люди в военной форме. Солдатами и офицерами были заполнены все улицы, рестораны и гостиницы. Троица через комендатуру города с большим трудом получила комнату, где они и заночевали на неудобных и скрипящих койках.

На следующее утро Блинов пошел узнавать о том, как и где можно начать службу, а Виктор остался с Ромой. Они вышли в город. Перекусили и вернулись к двум часам назад.

Блинов пришел усталый и помятый.

– Все будет путем! – выпалил Блинов. – Встречался с офицерами. Был в комендатуре. Нашего чёрта видел. Записаны мы все к генералу-майору Врангелю⁶⁴. В его формирующиеся войска... Такие дела...

Тут Блинов замялся и, прикусив губу, сказал Роме:

– Ром, будь добр, на пару минут, оставь меня с Витей. Надо кое-что обговорить с глазу на глаз.

Рома встал с табуретки, на которой сидел всем своим полным, мощным телом, и, пожав плечами, добродушно вышел в коридор. Блинов снял фуражку, обнаружив, свежестриженную русую голову. Из кармана кителя он вытащил носовой платок и вытер вспотевший лоб и красную влажную шею. Расстегнул душивший его ворот, обнаружив уже успевший испачкаться воротничок.

– Тут это, вот что, Витя. Да ты сядь... Дело такое. Проблема одна есть. Но мы её уладим. Но она есть, и нужно твое согласие.

Виктор сел напротив Паши и внимательно посмотрел на него. Он покрутил свой черный, закрученный сверху ус и прошелся пальцами по отрастающей эспаньолке.

– Слушаю тебя, Паша, – промолвил он.

Блинов посмотрел на него своими добрыми голубыми водянистыми глазами и сказал:

– Водки бы... А то такое дело всухую... Ну, да хрен с ним. Проблема, Витя, в том, что ты еврей...

И Блинов встал и нервно заходил по комнате.

Слуцкий усмехнулся и нервно провел рукой по вороту своей рубашки. Блинов же прошелся, как тигр, взад и вперед и продолжил:

– Беда в том, что многие лидеры большевиков евреи. Да и не лидеры тоже. Среди революционеров их полно. Сам знаешь! Ну и озлоблен народ в наших рядах против евреев неимоверно! Это плохо! Это ужасно! Но это так, Витя! Пойми, дорогой ты мой человек!

Слуцкий встал и прошелся по комнате... Блинов нервно вытащил из пачки папиросу и закурил.

– Паш, я не понимаю. Среди большевиков же куда больше русских, чем евреев. Причем тут евреи?

Блинов безнадежно махнул рукой и выпустил дым.

– Да знаю я! И Господь наш явился в этот мир евреем, и Богородица еврейкой была, и апостолы! Но, что я могу сделать с этим всем? Все культурные люди понимают это... Но сколько их культурных? Разобьем врага, все успокоится, Витя! Забудется! Будет хорошо!

⁶⁴ Пётр Николаевич Врангель (1878–1928) – русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Главнокомандующий Русской армией в Крыму и Польше в 1920. Генерал-лейтенант.

Слуцкий замер и тихо спросил:

– Твое предложение?

Блинов затаился и, прищутив глаза, выпалил:

– Давай тебя мусульманином запишем?

Виктор провел рукой по своим черным, красивым волосам и на минуту замолчал.

«Меня мусульманином? Не предательство ли это своего народа и веры?» – подумал он.

Но тут же вспомнил рассказы деда о евреях-марранах⁶⁵, живших в Испании после изгнания и притворявшихся католиками, и определился: «Для дела – можно. Для важного дела».

Слуцкий резко повернулся к Блинову и сказал:

– Паш, от меня не убудет. Записывайте мусульманином, коль так надо. Для дела можно.

Блинов аж расцвел, услышав его ответ. Открыл удивленно рот, а потом бросился и обнял Виктора изо всех сил.

– Молодец, Витюша! Умный парень! – выпалил Блинов.

– Безбожных большевиков надо бить! Это однозначно! Они попрали веру, честь, право на частную собственность! Грабители и убийцы! Их надо остановить, и я с тем, кто против них, даже если эти силы пока не отдадут себе отчет в том, что делают, и ненавидят евреев! Это безумие! Но верю, что это пройдет! Не так ли, Паша?

– Так, так, родной мой! Так, Витюша! Пойдем же, пойдем! Зарегистрируем вас с Ромой. А по дороге надо будет придумать тебе легенду... Почему ты не знаешь арабского, почему не знаешь обычаев магометанских... Ну да, давай так... Мать твоя была, скажем, по внешности твоей, ассимилированная гречанка... А отец из татар. По вере он тебя воспитывал мусульманином. Но говорили дома только по-русски, и, мол, он был против религии, поэтому не соблюдали намазы их всякие... И в мечеть не ходил. Был отец учителем или типа того, из просвещенных и светских мусульман. Скажем, из Казани? Как тебе?

Виктор кивнул.

– Пойдет! Зови Ромку, и пошли.

Виктор вышел в сопровождении друзей на улицу. Те о чем-то оживленно беседовали, а сам он хотел только одного: увидеть уже, наконец-то, свою любимую.

Они прошли минут пятнадцать по кишащей пешеходами улице, пока не подошли к особняку кремового цвета. У входа в здание курили какие-то офицеры. Пахло папиросным дымом и лошадиным навозом. Блинов вошел первым, за ним Рома и, наконец, Виктор. Они поднялись на третий этаж, где ходили из одного кабинета в другой, подписывая то одни бумаги, то другие.

– Капитан Блинов! – услышал Павел сильный голос за своей спиной. Он обернулся и увидел высокую, худощавую фигуру генерала Врангеля за своей спиной.

Генерал, с черными, коротко постриженными усами и глубокими холодными глазами умного человека, внимательно посмотрел на Пашу и еле заметно улыбнулся краешками рта.

– Ваше высокоблагородие! – только и успел пробормотать Блинов.

Врангель пожал ему руку и сказал:

– А ты все такой же! Молодец! И не смей мне меняться! А это кто?

Блинов улыбался широкой улыбкой простака. Он повернулся и начал представлять своих друзей:

– Так вот же, друзья мои, Петр Николаевич! Вот капитан инфантерии лейб-гвардии Семёновского полка Роман Козьярский и капитан от инфантерии лейб-гвардии Семёновского полка Виктор Рамильевич Магомедов.

⁶⁵ Марраны – евреи, жертвы насильственного крещения в Испании и Португалии (конец XIV в. – XV в.) и их потомки, втайне сохранявшие верность иудаизму. Марранос – презрительное прозвище, образованное от староспанского слова *maçano* – «свинья».

Слуцкий еле заметно дернулся, как будто его ударили. Врангель подошел к Роману и пожал ему руку.

– Из поляков будете. Вижу. Отец поляк, мать русская? Так? Породистый.

Рома добродушно улыбнулся. Врангель подошел к Слуцкому и внимательно посмотрел на него. Молча изучил глазами лицо и сказал:

– Петр Николаевич Врангель. Барон. Генерал-майор. Спасибо за службу в этот непростой час. Над легендой поработайте. Какой из Вас к черту татарин? У Вас же типичный библейский архетип. Запишитесь лучше греком. А в баню будете отдельно ходить. Что ж поделаешь, коль времена такие! Как Вас зовут на самом деле?

– Слуцкий, Виктор Семенович. Капитан от инфантерии лейб-гвардии Семёновского полка. Участник японской и германской войн.

Врангель почесал усы и ответил:

– Я все понимаю. Сейчас такие обстоятельства, что лучше больше молчать, чем говорить. Зайдите ко мне, Виктор Семенович. Я помогу Вам с документами. Придумаем что-нибудь вместе.

Барон пригладил свои коротко остриженные, с залысынами волосы и сказал:

– Будем из Вас делать грека. Так правдоподобнее. Будете Виктором Семеновичем Адамиди. Легко запомните, как Адам. А имя отчество те же будут. Запомнили?

Слуцкий кивнул.

– Хорошо. Значит так. Документы Ваши все сгорели. А я Вам напишу рекомендацию для выдачи новых. Блинову верю, как себе. Он был моей правой рукой на фронте. И если Вы его друг, то вопросов у меня нет.

Врангель вытащил лист бумаги из своего планшета, и стоя в коридоре, написал аккуратным почерком рекомендацию для выдачи новых документов, белья, пайка и денежного довольствия.

Затем расписался и отдал бумагу Слуцкому.

– Удачи Вам, Виктор Семенович! Будете служить со мной!

Слуцкий отдал честь, поклонился и развернулся для выхода. Но Врангель снова заговорил:

– А знаете что? Мне на фронте один еврей жизнь спас... Из белорусских он был. Накрыл меня собой. Его убило, а я вот, живой... Моисей Гершкович Вольпо. Рядовой. Это я потом узнал уже... Так что в долгу я у Вашего народа. Идите!

Виктор улыбнулся и вышел.

Вскоре он получил новые документы на имя Виктора Семеновича Адамиди, грека по национальности.

– Что теперь с христианством только делать? Я же не знаю ни молитв, ни обрядов, ни обычаев православных... Скажу, что отец был атеистом и меня так же воспитал... – сказал Виктор друзьям.

Павел и Роман одобряюще кивнули. Все они получили уже оружие и кое-какие деньги на расходы.

Павел улыбнулся и сказал:

– Кстати, Врангель принял на себя командование 1-й конной дивизией. Завтра мы выезжаем отсюда по Владикавказской железной дороге для того, чтобы присоединиться к дивизии. Она сейчас расположена в Майкопском отделе. Так что вечер у нас свободный. Какие будут предложения?

Роман предложил пойти в кабак и хорошенько выпить. Павел его поддержал, а Виктору было не до этого. И он пошел искать встречи со своей возлюбленной, благо её временный местный адрес и телефон у него уже были. Он вышел на суетную улицу. Издалека приближались звуки «Прощания славянки»... Шел маршем какой-то полк.

Медленно ехали автомобили, цокали копытами лошади извозчиков, спешили куда-то сотни офицеров, служащих и простых обывателей. Он свернул в боковую улочку и подошел к её дому. Она уже ждала. В элегантном темно-синем платье, элегантной французской шляпе и на каблуках. Казалось, что для нее нет этой войны, этого страшного урагана времени и этой терзающей душу неопределенности...

– Витя! Витенька! Вот и ты, голубчик! А я уже стою и скучаю...

Виктор подошел к ней и нежно поцеловал её руку.

– Витя! Как же я рада тебя видеть! Господи! Это важно, чтобы мы поговорили. Ты мне очень нужен. Знай это. Очень, очень, очень... Я не могу без тебя... Молчи, молчи... Не говори ничего. Его нет. Он уехал куда-то, впрочем, он всегда куда-то уезжает... Пойдем со мной. Моя знакомая живет неподалеку. В квартире её тетки. И сегодня квартира в нашем распоряжении!

И она показала ему ключи жестом ребенка, который тайком от родителей стащил конфету.

Он не мог поверить своему счастью... Она здесь рядом и любит его по-прежнему. Минутой позже они уже вошли в тетку квартиру, и он наконец-то обнял её...

Уже на следующий день, трое друзей сели на поезд и выехали на фронт. Они доехали до Кавказской станции и, переночевав в расположенном в станице обозе офицерского полка, входившего в состав дивизии полковника Михаила Гордеевича Дроздовского⁶⁶, утром выехали в станицу Темиргоевскую, где и находился штаб 1-й конной армии.

О безмятежном рае вчерашнего дня Виктору напоминало только её письмо, аккуратно сложенное пополам и лежавшее во внутреннем кармане его кителя.

⁶⁶ Михаил Гордеевич Дроздовский (1881–1919) – русский военачальник, Генерального штаба генерал-майор, монархист. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из видных организаторов и руководителей Белого движения на Юге России.

Сцена 6

Под вечер Блинов, Слуцкий и Козьярский приехали в станицу Темиргоевскую. Не мешкая, они сразу направились в штаб 1-й конной армии, чтобы доложить о своем прибытии и получить дальнейшие распоряжения. Штаб располагался в добротной казачьей избе. Доложили, как и положено, адъютанту. Вскоре на крыльцо вышел покурить усталый, с молодецкими усиками, седоватый полковник лет сорока. Он вежливо и безразлично поздоровался и, закурив, попросил документы прибывших офицеров. Среди них было и специально написанное Врангелем рекомендательное письмо. Он внимательно изучил все бумаги и, одобрительно кивнув, сказал:

– Здравия желаю, господа офицеры! Полковник Нарышкин. Капитан Адамиди. Капитан Блинов. Капитан Козьярский. Добро пожаловать. Дела у нас плохие. Радоваться особо нечему. Денег нет. Оружия почти нет. Боеприпасов также практически нет. Имеем только обещания наших союзников из Антанты⁶⁷. Более ничего. Верим в их слово и ожидаем поддержки.

Полковник спокойно курил, щуя глаза от дыма, и молчал. А затем сказал:

– Господа, здесь не германский фронт. Все куда проще и куда беднее... Это там офицеры командовали большими количествами солдат. А тут у нас армия добровольческая, и многие офицеры рядовыми служат. Такая уж ситуация. Мне барон Врангель сообщил в этом письме о вашем приезде и дал свои рекомендации. Думаю, сделаем так...

Полковник выкинул окурок и посмотрел на Слуцкого.

– Капитан Адамиди?

– Так точно, Ваше высокоблагородие!

Слуцкий внимательно посмотрел на полковника Нарышкина. Тот безразлично окинул взглядом Виктора и сказал:

– Вам дам казачью сотню в командование. С учетом вашего богатого боевого опыта.

Затем он повернул голову к Блинову и Козьярскому и сказал:

– А вы, господа, ко мне в штаб. Настоящих хороших штабистов ох как не хватает! Приступайте к службе! Удачи вам! А Вы, Адамиди, после ужина пойдете с моим адъютантом Горюховым. Он и познакомит Вас с вверенной Вам казачьей сотней.

После нехитрого деревенского ужина адъютант Нарышкина показал Слуцкому построенную в его честь сотню казаков.

Казаками Слуцкий еще никогда не командовал. В глубине души он был к ним предвзят, недолюбливал их за традиционный антисемитизм и частое участие в погромах. Внутренне Виктор сжался и окинул взором лихих казаков. Здоровые, сильные, с хитроватым прищуром в глазах стояли они в ряду и смотрели на своего нового командира. Адъютант остановился и зычным голосом обратился к сотне:

– Бойцы! Сегодня командованием вам назначен новый командир вместо убитого вчера в бою подполковника Рябочкина. Капитан Виктор Семенович Адамиди. Он рекомендовал лично бароном Врангелем. Капитан геройски сражался в Японскую войну, проливал кровь на германском фронте. Прошу любить и жаловать.

Слуцкий еле заметно дернулся и подумал: «Подполковник у них тут сотней командовал! Ну и дела! Не примут они меня...»

Адъютант тем времен кивнул Виктору, тот вышел вперед, поближе к строю, и сказал:

⁶⁷ Антанта – entente (французский) «соглашение», «согласие». Военно-политический блок России, Великобритании и Франции. Создан в качестве противовеса «Тройственному союзу» Германии, Австро-Венгрии и Италии. Сложился в основном в 1904–1907 годах и завершил размежевание великих держав накануне Первой мировой войны. Великобритания и Франция помогали Белому движению, видя в нем легитимную власть в России.

– Солдаты! Для меня честь принять командование вами. Надеюсь, что мы сработаемся и будем вместе делать одно дело. Вместе будем бить врага и спасать страну.

Он запнулся. Больше никакие мысли в голову не шли. Он еще раз обвел строй взглядом и скомандовал: разойтись.

Казачи расходились, и Виктор услышал, как кто-то из них сказал:

– Не нравится мне этот чернявый капитан. Больно на жида похож. И глазки так и бегают. Не чета нашему старому командиру...

Адъютант ничего этого, казалось, не слышал и спокойно обратился к Виктору:

– Виктор Семенович! Тогда пожалуйста со мной в штаб, я Вам на картах покажу, что и как. А завтра с рассветом мы планируем пойти в наступление.

Виктор кивнул, и они вместе пошли в штабную избу. Пока они шли, Виктор снова вспомнил её и ощутил жуткое, страшное одиночество. Затем мысли о Вике сменились мыслями о матери, об отце, о семье и почему-то о Шоломе. Чего вдруг он его вспомнил... Как он и где он сейчас?

В избе было накурено. У большой карты, разложенной на столе, уже сидели полковник Нарышкин, подполковник Князев, знакомый Виктору еще с японской компании, и еще несколько незнакомых офицеров. Рядом сидели Паша и Рома.

План завтрашнего удара по большевикам был довольно простым. С рассветом конница белых, разделившись на два кулака, правый и левый, охватывала занятые красными позиции. Более слабый пехотный удар шел в лобовую атаку, отвлекая основное внимание на себя и тем самым не давая заметить приближающиеся с правого и левого флангов кавалерийские клинья. Случком предстояло вести свою сотню в числе других сотен с правой стороны.

После окончания совещания Блинов, уже вошедший в курс дела, вышел с Виктором на крыльцо и, закурив, сказал:

– Ну, вот, начнем завтра работать. Мужская работа у нас... Кстати, пойдём-ка.

Они прошли вниз по улочке и остановились у хорошенького добротного дома. Вот здесь твои апартаменты будут. Временные. Денщик внутри. Зовут его Фёдор. И конь твой уже покормлен и отдыхает. Вон, какой красавец, посмотри... Зовут его Отличник.

Виктор грустно улыбнулся.

– Не грусти, Витя. Скоро жизнь наладится. Разобьем красных. Наведем порядок в стране! Не хуже других уж, думаю! Не верю я, что француз, немец или американец умнее нашего брата. Ну, не верю – и все! Хоть режь...

Виктор рассеяно кивнул.

– Аполитичный ты тип, капитан Адамиди. Кстати, завтра приезжает наш гнусный друг, полковник, и Вика. Так что не грусти. Подслушал в штабе. Жизнь наладится, брат! А теперь водки надо выпить. Очень хочется. Не знаю, как тебе... А мне хочется. Евреи ведь больше по вину специалисты. Знаю, знаю... Пивал я ваше вино в Бессарабии. Отменное. Но у нас тут с вином сейчас не знаю как пока. А водку я раздобыл. Вот...

И Блинов вытащил из портфеля бутылку.

– Пойдем уже... И проверим как готовит твой Федька.

– Спасибо, Паш. Утешил. И обрадовал. Ну, чертяка всезнающий, сибирский, пойдём выпьем, только немного. Перед боем нельзя много.

И друзья вошли в чистую прибранную избу. На пороге их встретил толстый, безусый, с хитрыми глазами денщик. Он отдал честь и поприветствовал офицеров, как полагается.

– Федька, мать твою, встречай хозяина! Это твой командир, капитан Виктор Семенович. Чтобы слушался, стервец! Он добрый и тебе, сукиному сыну, морду бить не будет, хоть и надо! А я бы всю твою отожравшуюся морду тебе так бы разбил, чтобы ты у меня кровью умылся!

– Так за что ж? Ваше благородие? Я ж службу свою знаю.

– А не за что-то конкретное, а для остратки! На стол ужин, сукин ты сын! Ишь, нажрал себе пузо! Если у капитана Адамида будут жалобы, пойдешь на передовую!

Денщик рывнул «есть» и побежал разводить самовар. Паша же подмигнул Вите и, сняв фуражку, сел за большой, дубовый стол.

– Паш, а где же хозяйева, дома?

– Кто ж знает-то теперь – печально произнес Павел.

Виктор вздохнул и посмотрел на висящую на стене карточку большой семьи. Мысль о скорейшем приезде Вики согрела его, и он хорошо поужинал с Пашей. Выпил две рюмки, попрощался с другом и завалился спать. Сон навалился на капитана, и он начал было засыпать, но услышал быстрый и настойчивый стук в дверь. Он вскочил к столу, зажег свечу и подбежал босыми ногами к двери. За эти считанные секунды он ощутил теплую шероховатость дощатого деревенского пола.

– Кто там? – спросил он.

– Это я. Вика! – услышал он знакомый до боли голос.

Виктор радостно распахнул дверь и увидел её. Это была Вика. Усталая, вымотанная, но каким-то чудом пробравшаяся к нему.

Он бросился к ней, обнял и покрыл поцелуями её лицо.

– Боже! Откуда ты здесь? Какими судьбами?

– Ничего не спрашивай. Все потом... Пойдем в дом...

Пьяный от ласк Вики, Виктор так и не заснул этой ночью. Он встал, зажег коптившую и тускло светившую керосиновую лампу с черным налетом копоти на стеклянном плафоне, и умылся холодной водой из ракушечника. Затем надел форму и немного перекусил. Вика тоже уже встала и, наскоро одевшись, страстно поцеловала его, и прошептала ему на ухо:

– Обожаю тебя! Мне пора! У нас тут уже дом определен. А утром может приехать мой... Я вырвалась, чтобы подготовить дом. Все! Мне пора! Храни тебя Бог!

И она перекрестила Виктора. Он инстинктивно отпрянул и сделал шаг назад.

– Вот басурманин! Ну да ладно! Храни тебя Бог! – едко сказала она.

Любовница вышла из дома тихо, как кошка, тихонечко закрыв за собой входную дверь, и растворилась в ночной тьме, так как будто и не приходила. Виктор сел на табурет и подумал:

– Ненавижу, когда меня крестят! Я же не делаю над ними иудейские ритуалы! Ладно, пустое это все... Г-ди, сохрани меня в этом бою!

И Виктор надел на голову фуражку, и, повернувшись лицом к стене, начал молиться, как его учила мама, на идише:

– Б-г Авраама, Б-г Исаака, Б-г Иакова! Спаси меня и помоги мне! Сохрани меня и поддержи меня!

Он долго молился, а затем разбудил дрыхнувшего в сенях денщика и приказал ему седлать коня. Еще было темно, а Виктор уже выехал на Отличнике к своей сотне. Все уже были в сборе.

– Здравия желаю, ваше благородие! – рывкнул молодой есаул, вытягиваясь во весь рост и отдавая ему честь.

– По коням! – скомандовал Виктор.

К нему подошел молодой адъютант из штаба и передал донесение о начале выдвижения. Другие сотни уже тоже начали выдвижение вперед. Капитан кивнул и повернулся к своим бойцам.

– Сотня! За мной, галопом, переходящим в марш, затем атакуем противника! Приказ командования: пленных не брать!

Одобрительный шепот прошел между его подчиненными. Виктор привычно сидел в удобном, хорошо подогнанном руками денщика кожаном седле и сжимал в руках уздечку. Ногами он чувствовал теплые бока коня. Похоже, они подружились. Виктор уже успел перед выездом из дома сунуть ему кусочек сахара, и конь это оценил.

– Вперед! – скомандовал Виктор и поскакал. Сотня выдвинулась, набирая скорость вслед за ним. Кони скакали все быстрее, и казаки, следуя примеру своего нового командира, обнажили сабли. Правый кавалерийский кулак летел вперед на ничего не ожидавших красных. Слабые пехотные звенья взяли на себя основной удар где-то посередине этого наступления, в двух верстах отсюда. Слуцкий летел вперед, прижимаясь к Отличнику. Правая рука его вспотела, сжимая шершавую рукоятку сабли.

Как горячий нож в сливочное масло, влетели разгоряченные белые сотни в ничего не ожидавших красноармейцев. С первыми лучами восхода, ослеплявшими большевиков, белые настигли позиции врагов и началась безжалостная бойня.

То и дело раздавались хриплые крики:

– Пленных не брать!

Давно Слуцкий не был в такой ожесточенной и страшной мясорубке. Впервые в жизни ему пришлось убивать своих. До этого враг всегда был чужим. Гадливое, тошнотворное чувство не покидало его. Перед ним вырос какой-то молодой, восемнадцатилетний парнишка-красноармеец, сразу видно, что из крестьян, и нацелил на него винтовку, но та заклинила. Слуцкий пришпорил коня и, стиснув зубы, снес пацану голову с плеч саблей. Та покати-лась, как мяч, по пыльной, едва освещенной солнцем земле...

«Проклятье... Он же еще не жил...» – пронеслась мысль у Виктора в мозгу.

Но думать было некогда. Снова началась схватка. Лавина белых конников задавила уступавшее в количестве войско красных и уничтожила его. Через полтора часа все было кончено.

Сотни три убитых красноармейцев, в неуклюжих, распластанных позах, залитые кровью, лежали на земле. Виктор убрал саблю в ножны. Правая рука ныла и затекла от кровавой работы.

– Сотня! Стройся! – скомандовал он.

Сделали пересчет, и выяснилось, что в этом утреннем бою он потерял десять человек.

«Немного совсем для атакующей стороны, – подумал Виктор, и сам ужаснулся своему спокойствию. – Почему я не считаю этих казаков своими?»

Виктор вытащил из кармана кителя носовой платок с её инициалами и вытер струившийся по шее и лбу пот.

«А какие же мне они свои... А как же погромы... Ведь там казаки громили нас...»

И он вспомнил страшные дни погрома в Балте.

Подъехал офицер Ромашов, который вел соседнюю сотню. Рядом с ним верхом на лошади сидел православный священник.

Полный, доброго вида батюшка слез с лошади и сказал:

– Восхвалим Господа, за победу, воины Христовы!

Казаки начали один за другим снимать с себя головные уборы. Слуцкий замешкался и не снял фуражку. Батюшка внимательно посмотрел на него и заметил:

– А Вы, Ваше благородие, разве не веры православной? Почему Вы в фуражке?

Слуцкий нервно снял пропотевшую фуражку.

Молитва прошла спокойно. Батюшка напевал в голос, а солдаты крестились и шептали её слова про себя. Слуцкий же отстраненно смотрел на валявшиеся повсюду трупы.

Виктор думал, что батюшка уже закончил молитву, но он ошибся. Священник достал икону Иоанна Воина и зычно сказал:

– Славим Господа нашего, Иисуса Христа, сына Божия, за победу оружием нашему! Славим спасение наше! Великий святой Иоанн Воин покровительствовал нам на небесах во время битвы сей, и ему мы возносим благодарность и молим его и впредь молиться за успех наш и ратные победы наши!

Он передохнул и продолжил:

– Всеблага Бога и Царя, благоверный раб и воин явился еси, Иоанне чудодетелю, пострадав бо ради веры мужески, блаженно же скончав течение, зриши Всетворца Господа

в Небесех светлейше. От Него же прием дарование чудес, страждущим человеком во всяких напастьх помогаеши, укрепляеши воины в ратех, от врагов пленения, ран же и внезапных смертей и от бед лютых изымаеши. Тем же моли Владыку Христа, приснопамятне, да во всяком обстоянии сотворит нам милость и не введет нас во искушения, но спасет души наша, яко Человеколюбец.

Офицеры и солдаты начали выстраиваться в очередь, чтобы поцеловать святой лик. Виктор почувствовал, что не сможет этого сделать. Мысли вихрем пронеслись в его голове. Он понял, что сейчас все поймут, что он что-то скрывает о себе и что он на самом деле не тот, за кого себя выдает. Он поднял взгляд и увидел глаза того самого казака, который сразу ему не понравился. Виктор посмотрел на него и увидел его усмешку. Казак стоял рядом с ним. В метре от лошади Виктора. Он стоял на земле, держа своего коня под уздцы. Виктор скривил рот и перевел свой взгляд с лица казака на его потные, черные кучерявые волосы, непослушно выющиеся по всей голове, и отчетливо услышал, как казак произнес эту страшную фразу, брошенную Виктору:

– Жид пархатый...

Виктор сжал из всех сил рукоятку сабли и начал было её вытаскивать, как вдруг его кто-то схватил его сзади. Он обернулся и увидел доброе и родное лицо Паши Блинова, сидящего на лошади. Видимо, тот уже несколько минут как подъехал и незаметно приблизился к нему.

– Вить... Поедем. Ты был молодцом!

Блинов похлопал его по плечу и поманил ехать за собой. Слуцкий провел рукой по потному, грязному лицу и, напрочь забыв о проклятом казаке, пришпорил коня. Вскоре он уже сидел с Пашей и Ромой за столом и пил самогон.

– Впервые, ребята, впервые мне пришлось убивать своих. И это шок, скажу я вам! Ну, дураки, ну, ошибаются, ну, обмануты! Но это же не повод их убивать! Надо, может, больше брать их в плен и к нам на пополнение? – рассуждал Виктор.

Блинов пил молча и как-то горько улыбался.

А Роман, наоборот, хотел выговориться:

– Вить, ты пойми, милосердие – это хорошо, но не во время войны! Ты знаешь, что красные с нашими делают? Ты видел, во что они превратили нашу страну?

Давить их надо! До последнего! Такая доброта как раз очень опасна на войне!

Блинов продул папиросу и, чиркнув спичкой, выпустил едкий дым. Он провел рукой по своей голове, по русым, коротко остриженным волосам, и заметил:

– Витя верно говорит. Своих убивать самое поганое дело. И поэтому именно гражданские войны самые жестокие. Это как ссоры в семье. Своим не прощаешь... Со своими все наиболее обострено! Но выбора нет! Да, больно! Ужасно, Витя! Это фабрика смерти... И каждый день так придется сносить им головы, стрелять в живот, косить их ряды пулеметами или взрывать гранатами. А ведь это все люди! Наши люди! Русские, православные! У них дети, семьи! А многие сами еще безусые дети... Но нет выбора. Многие наши офицеры вынуждены на них служить, а их семьи Ленин взял в заложники. Вот кому я не завидую больше всего!

Слуцкий ощутил, как слезы выступили у него на глазах.

– Паш! Это реки крови...

Рома подошел к Виктору и обнял его со всей мощью своей богатырской фигуры.

– Ну, будет тебе... Не раскисай. А то словно барышня... Ну, хватит. Споем что ли?

И Рома запел своим глубоким, красивым баритоном. Он запел какой-то старей, до боли знакомый романс. О старинном саде, о заброшенном пруде, о прекрасном танце и былой любви.

Друзья просидели до поздней ночи, несмотря на то, что с восходом нужно было снова идти в бой и продолжать уже начатое наступление на позиции красных. Лишь в третьем часу все разошлись. А через два часа конница Виктора уже снова неслась в бой, а над головой Вик-

тора уже свистели пулеметные очереди. И снова конь его летел вперед, перепрыгивал через вырытые на скорую руку, неглубокие окопы красных, и снова ему приходилось стрелять и рубить людей. Кровь то и дело забрызгивала его мундир, но пули и штыки врагов не причиняли ему вреда. Бог хранил Виктора, а его сотня геройствовала, отбрасывая красных все дальше и дальше. Пленных не брали. Да и некуда было их брать. Озверение и жестокость в братоубийственной войне достигли своего апогея. Изо дня в день он рубил человеческую плоть, расстреливал и взрывал таких же, как он, людей, только за то, что они верили во что-то другое, и за то, что на них были красные ленты. Сердце отупело и смирилось, и если бы не редкие любовные ласки по ночам и не попойки с друзьями, то Виктор бы не выдержал этого страшного ритма. Но белые шли вперед, отбрасывая большевиков все дальше и дальше, и казалось, что Бог покровительствует им, несмотря на недостаток солдат, конницы, оружия и провианта.

– Мы побеждаем, потому что правда за нами! – любил говорить Блинов.

Виктор верил в это. Он знал, что сражается за свою страну, за своих друзей и что он верен данной присяге.

Сцена 7

Солнце садилось. Виктор вышел из дома и подошел к своему коню. Он погладил его и обнял за шею.

– Родной мой!

И Виктор прислонил свою голову к голове лошади, ощущая её теплоту. Конь доброжелательно переминался. Отличник потерял мордой о карман кителя Виктора, где он обычно хранил сахар.

– Ах, ты! Сахар хочешь! А я со свои ласками! И забыл о нем! На, дорогой мой! Кушай!

И Виктор положил на ладошку кусочек белого сахара. Лошадь взяла сахар своими большими крепкими зубами и начала с удовольствием хрустеть.

– Кушай, Отличник! Скоро опять нам с тобой скакать под пулями и снарядами! Будем воевать! Но ты привыкший уже! А вначале боялся всего! Даже на дождь реагировал боязливо! А теперь попривык!

Виктор присел рядом с конем на деревянную скамеечку и сказал:

– Вот хорошо тебе, Отличник! Ты конь! Конь всем нужен! И красным, и белым! Все тебя уважают! А человеку хуже... Он может быть человеком, а может и жидовской мордой, навряд ли меня... И вот я вынужден скрывать свой народ, как будто я прокаженный какой... Скрывать, как это делала царица Есфирь⁶⁸... Но меня уже подозревают в еврействе... У казаков нюх на жида... И чего мы им сделали?! Почему мне достались именно казаки?!

Виктор встал. Застегнул китель на все пуговицы, захватил из дома фуражку и, надев её, вышел на улицу. Он шел мимо добротных казачьих домов, перед которыми шныряли куры и гуси. Все здесь дышало достатком и любовью к своей земле. Он остановился у сидевшего на скамейке седобородого казака-старика, с тремя Георгиями на груди.

– Присаживайся, Ваш благородие!

Виктор пригладил свои черные усы-щетки и сел на скамью рядом с ним.

– Скоро ль землю нашу очистим от жидов да краснопузых, не слыхать ли че, а, Ваш благородь?

Виктор вздрогнул. Медленно достал из кармана кителя пачку папирос и отдал деду.

– На, дед! Кури! Погоним красных! Не бойсь! Срока не скажу!

Дед благодарственно взял папиросы и спросил:

– Наши аль иностранные?

– Наши, дед. Наши... Столичные еще. Ты мне вот что Расскажи. За что вы, казаки, так жидов не любите?

Старик аж подпрыгнул от неожиданности.

– А за что ж их любить-то?! Они ж Господа нашего распяли! Все беды от них!

– Не темни, дед! У вас, казаков, свой же счет! Ты не поп же! Ты мне церковные речи не толкай! Ишь, религиозный нашелся!

Дед внимательно, с опаской посмотрел на Виктора и спросил:

– А Вам интерес какой, Ваше благородие? Так, али не просто так, спрашиваете?

– Расскажи, дед. А я тебе рубль дам на выпивку. Интересно мне. Не томи!

И Виктор протянул старику рубль, а тот проворно спрятал его в кармане штанов.

– От старухи моей, Ваш бродь... Она все под себя гребет, старая ведьма! А так надежнее будет! Куплю себе покурить! Вы вопрос задали... Я ответ имею, но что ж мы, его тут на лавке, всухую будем обсуждать?

⁶⁸ Есфирь, еврейская царица в Персии, вынужденная долго скрывать свое происхождение и веру. Героиня библейской книги Есфири.

– А ты бы как хотел бы, дед? Как зовут хоть тебя?

– Макар Кузьмич я. Васильев. Дед мой атаманом был! Меня все в станице знают! А сам я тоже, как видишь, служивый человек... С турками воевал, за царя-батюшку... В 1877 году! Ох, и вмазали тогда мы туркам!

– Ну, и прекрасно, Макар Кузьмич. А я капитан Виктор Семенович Адамити. Грек по происхождению. Отсюда и чернявость моя.

– Да по мне хоть кто, абы только не жид. Пойдем, Ваше благородие, ко мне в хату. Есть у меня первач, такой, что сразу с ног рубит!

Слуцкому хотелось прикончить старика на месте, но он сдержался. А дед пригласил его в дом, где они выпили и закусили. Жена старика была явно недовольна неожиданным гостем, но, увидя золотые погоны офицера и его подтянутый вид, и не пропитое, умное лицо, нехотя поставила на стол бутылку самогона и нехитрую закуску. Макар Кузьмич все интересовался делами на фронте и жаловался, что белые не понимают казачьих интересов и стремления к созданию независимого казачьего государства.

Виктор слушал, кивал, а потом прервал деда и спросил:

– Ладно, Кузьмич. Ты мне о казаках и жидах рассказать обещался. Слушаю!

Старик выпил еще полстакана, расправил усы и начал свой рассказ:

– Дело это давнее, Ваш бродь... Мне это еще мой отец рассказывал, а ему дед мой, а тому прадед, и уходит история эта корнями своими в давние века, когда стояла еще на Волге огромная и мощная жидовская держава царя Козарина! И все тогда тут жили под козарами, подчинялись им и платили им дань. Такие времена были... А страна козар была богатой и сильной, и была у них огромная армия, и крепости каменные, высокие, с башнями! И корабли деревянные, они их по Волге пускали и нападали на всех... А Волга тогда и не была Волгой, а называли они её по-козарски⁶⁹ Итиль...

⁶⁹ По-хазарски. Старое название.

Сцена 8

Степь утопала в предрассветном тумане. Еще было темно, и лишь вдали черная полоса неба начала раскрываться и розоветь. Пьянящий своей свежестью воздух, переполненный горьковатыми запахами разнотравья, доносил стрекотание кузнечиков и редкие оклики птиц. Вдали виднелся черный силуэт хазарской крепости, возведенной заморскими византийскими архитекторами.

Пеший и конный гарнизоны попеременно охраняли границы империи. В эту ночь в крепость прибыл сам каган Аарон, готовясь к неожиданному удару по арабам.

В палате кагана горели факелы и лучины, сильно коптя. Он созвал своих советников, нескольких министров и самых важных раввинов.

Каган был еще очень молод. Ему только исполнилось восемнадцать лет, и он был полон сил, энергии и бесконечного желания изменить в государстве все и сразу, не считаясь ни с какими сложностями. Он был высок, худощав, его редкая черная бородка только начала пробиваться, а черные толстые пейсы, скрученные в аккуратные жгуты, доходили до его скул. Каган был черноок и кучеряв. Его мать была еврейкой, а отец был тюркским хазарином-иудеем. Длинные руки выдавали в нем кочевника. Если его фигура принадлежала воину, то глаза говорили о том, что он – вечно терзающий себя поиском истины и правды еврей.

– Я собрал вас для того, чтобы мы приняли до начала боя еще одно важнейшее решение. Со смешанными браками и детьми от язычниц надо покончить! Это мерзость в нашей среде, которую надо искоренить!

Все замерли в ужасе.

– Не пугайтесь! С нами Б-г! Во времена пророка Ездры этот вопрос уже стоял! И он не побоялся изгнать язычниц, жен иудеев, и их детей из земли обетованной!⁷⁰ Хазария сегодня новый Израиль! И дабы иметь благословение Б-га, мы обязаны исполнять весь Закон, каким бы неудобным он ни был!

Перед тем как начать насильственное изгнание смешанных семей, Аарон решил обратиться к народу на большой дворцовой площади Итиля. Он долго говорил перед многотысячной толпой, срывая голос, вспоминая заповеди и наставления пророков. Говорил по пять минут, а затем сотни служащих передавали его слова дальше в толпу. Каган пил, переводил дыхание, а затем продолжал свою речь.

– Наше решение выглядит суровым и жестоким! Верно! И я никогда бы не решился на него, если бы не две важные причины! Первая причина – это моя ответственность и забота о стране! Я как каган обязан заботиться о материальных и духовных нуждах народа! Материальное – это защита от врагов внешних и внутренних, это своевременный сбор дани и налогов, это строительство мостов, городов, это защита торговых путей и установление хорошие отношений с нашими соседями. А духовное это жизнь в соответствии со священными законами Б-га, переданными нам пророком Моисеем! Духовные нужды включают в себя строительство новых синагог, иешив⁷¹, домов изучения Торы и Талмуда, прием евреев из Византии и других стран, где притесняют наших единоверцев. Среди важнейших духовных нужд это моя забота о том, чтобы все иудеи нашей страны не гневил Б-га своим открытым нарушением святых заповедей!

Грех наводит проклятие на самих грешников и на тех, кто позволил ему грешить, на нас всех! Я не хочу наказания Хазарии из-за греха тех, кто не хочет раскаяться! В последний раз я увещаю тех иудеев, чьи жены язычницы, либо расстаться с ними, либо заставить их при-

⁷⁰ Эта история описана в библейской книге Ездры, в 9-й главе.

⁷¹ Иешива – иудейская религиозная академия (иврит).

нять иудаизм! Если это не будет сделано к первому числа летнего месяца Ава, то мы насильно выгоним всех язычниц с их отпрысками вон из нашей страны! Их мужья могут либо остаться здесь, либо уйти вон с ними, и навсегда потерять право на возвращение в благословенные земли Хазарии. Клеймо «злодей» будет выжжено на спине каждого иудея, кто уйдет со своей язычницей.

Каган перевел дыхание и продолжил:

– Так же поступили в древности великие пророки Ездра и Неемия, очистив Израиль от идолопоклонников! Мы не потерпим идолопоклонства!

Каган Аарон дал знак, и глашатаи начали пересказывать его слова народу. Молодой правитель стоял с каменным лицом, то и дело сжимая кулаки. Когда они закончили, он продолжил:

– Меня спрашивают, а почему же мы терпим на своей земле языческие храмы, мечети и церкви? Почему мы не снесём их все и не очистим наш воздух от присутствия других религий?! Почему мы собираемся очистить лишь иудеев? Отвечу вам, великий народ Хазарии! Я бы давно это сделал! И Б-г знает, насколько я мечтаю о полном очищении Хазарии от инородного присутствия! Но если я так поступлю, то сразу поставлю под удар все еврейские общины мира! Сразу начнут сносить синагоги в Византии, в Халифате, среди христианских городов, и в землях язычников. Поэтому не надо действовать глупо. А вот своих людей мы должны очистить от грязи язычества. Храни нас Б-г!

Когда глашатаи закончили пересказывать слова кагана, народ глухо произнес трижды:

– Да здравствует каган...

Аарон кивнул и в сопровождении охраны вышел с возвышения.

Наступило утро первого Ава. День предстоял жаркий и душный. Каган разослал приказы выгнать вон из страны всех язычниц, жен иудеев с детьми, а также их мужей, не пожелавших оставить свои семьи.

С раннего утра по всей Хазарии слышались стоны и плач. А иудеям, решившим не оставлять язычниц, ставили клейма на спинах раскаленным железом. Три страшных буквы из древнееврейского языка: «Рейш», «Шин», «Айин»⁷². Тысячи женщин были изгнаны со своими детьми в соседнюю Аланию, правитель которой разрешил изгнанникам поселиться у себя. Большинство иудеев не пошли со своими женами. Они остались в Хазарии...

⁷² Из этих букв получалось слово «грешник» на иврите.

Сцена 9

Виктор очнулся от своего видения. Старик-казак сидел перед ним и, шамкая, рассказывал:

– Вот такая история, Ваш бродь... И из этих детей, изгнанных козарами и преданных жидами, и возник постепенно народ наш, казаков, вольных степных воинов и наездников!⁷³ И была среди отвергнутых жен одна женщина, которую звали Хельга. Была она мудрая и сильная, и стала она повелительницей предков наших. И повелела она нам всегда и везде мстить козарам и жидам, за все зло, что они нам причинили! И вовек мы и жида враги! Козар уж нет, их Святослав прикончил! А жидов надо туда же отправить!

⁷³ Казачий документ, Конституция Филиппа Орлика, также известная как Бендерская Конституция 1710 года подтверждает факт происхождения казаков от хазар. Цитата: «Так и народ боевой старинный казацкий, который раньше назывался хазарским, вначале был возвышен бессмертной славой, повсеместной властью и рыцарской удалей, которыми не только соседним народам, но и даже Восточному государству был страшен на море и на земле...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.